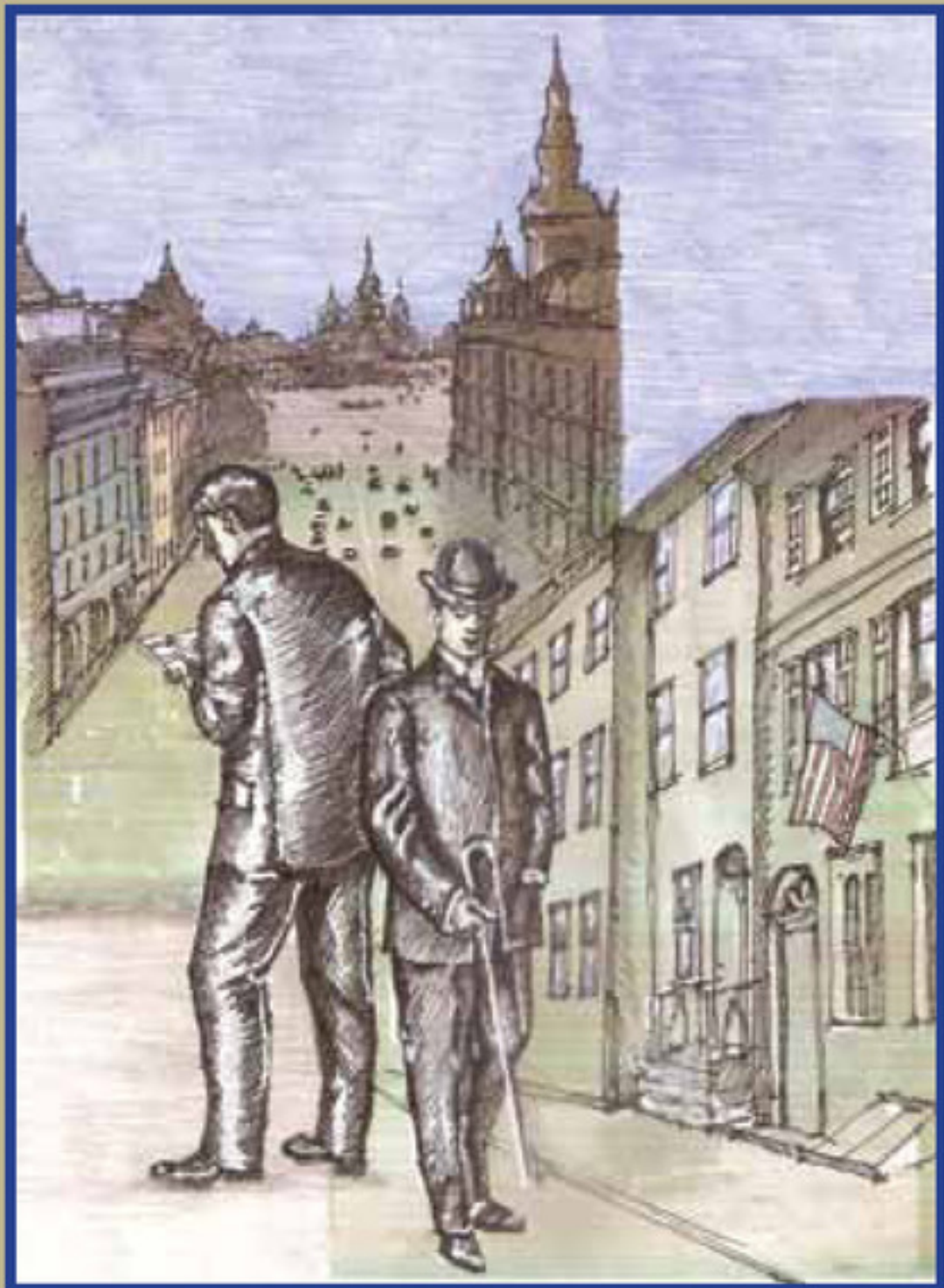

ВЛАДИМИР СУХАНОВ

ПРОЩАЙ ДЕБОРА

Владимир Суханов

Прощай Дебора

«Прогресс-Традиция»

2015

Суханов В. В.

Прощай Дебора / В. В. Суханов — «Прогресс-Традиция», 2015

В романе в увлекательной художественной форме представлена разгадка Фёстского диска – всемирно известного памятника письменности, по мнению большинства специалистов, относящегося к минойской культуре эпохи средней или поздней бронзы. Разгадка настолько же уникальна, насколько убедительна. Не менее интересен и второй план романа, в котором прослеживаются несколько человеческих судеб, характерных для советского периода нашей истории.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Суханов Прощай Дебора

Предисловие

Бедный дядя Василий! Знаешь ли его последние слова? Приезжаю к нему, нахожу его в забыты, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчал: «как скучны статьи Катенина!» и более ни слова. Каково? Вот что значит умереть честным воином, на щите, с боевым кличем на устах!

Пушкин – П.А. Плетневу

Летом нынешнего года сын моего покойного университетского товарища, Виктора Ратомского, пригласил меня и мою жену на вечеринку по случаю своего отъезда в Германию на преподавательскую работу. Это было неожиданно, потому что за неполные два года, как умер Виктор, мы виделись только один раз, на Введенском кладбище в годовщину его смерти. Всё разъяснилось под конец вечеринки: молодежь перешла к танцам, а Юра пригласил меня в свой рабочий кабинет. Он тут же перешел к делу:

– Дядя Володь, помните, на поминках отца Вы обещали свою помощь, если у меня возникнут какие-то проблемы? – С этими словами Юра открыл ящик письменного стола и выта-

щил оттуда общую тетрадь формата А4 и толстую папку, завязанную тесемками. Положив их на стол, он произнес:

– Сейчас у меня появилась одна такая проблема, она здесь, в этой тетради и этой папке, и решить ее, по-моему, можете только Вы, дядя Володь.

– Интересно, очень интересно... – протянул я, а он тут же задал новый вопрос:

– Вы знали Николая Арсеньевича Скундина?

– Литератора? Да, немного. Меня с ним знакомил твой отец, они, кажется, были родственниками?

– В общем, да, а точнее: седьмая вода на киселе. Отец приходился ему двоюродным племянником, но под конец его жизни, а дедушка Скундин умер в начале нынешнего года, мы оказались здесь самыми близкими ему родственниками.

– Насколько я помню, его жена с дочкой эмигрировали в начале 80-х?

– Да, правильно, сначала в Израиль, а оттуда в США. Ну, так вот, примерно год назад он позвонил мне с просьбой *выкроить время и навестить его*. Я тогда был в отпуске и поэтому поехал к нему в тот же день. Я нашел его сильно сдавшим, и немудрено: он жил один, работница из СОБЕСа приносила продукты, главным образом, полуфабрикаты, раз в неделю – о каком здоровье можно тут говорить! Под «пустой», без сахара, чай и принесенными мной круассанами мы вспомнили отца. Было грустно. Потом он встал, кряхтя и постанывая, и со словами «я сейчас покажу тебе кое-что» вышел из кухни. Вернулся он довольно быстро, держа в руках вот этот самый фолиант, – и Юра указал на лежащую передо мной тетрадь. – Но, что удивительно, это был уже совсем другой Николай Арсеньевич: энергичный и жизнерадостный. У меня даже мелькнула мысль, а не сбегать ли мне в магазин купить чего-нибудь покрепче чая, пока он, не торопясь, усаживался за стол. «Ты знаешь, Юра, по-видимому, не такой уж я большой грешник, – наконец произнес он, – иначе я не получил бы на старости лет такой божественный подарок». После этого дед отодвинул в сторону чашку и положил тетрадь перед собой. «Здесь, – торжественно сказал он, кладя на нее левую ладонь, – находятся замечательные, необыкновенные записки русского эмигранта, в которых он исследует случайно попавший к нему некий артефакт, параллельно рассказывая о своей жизни. Я повторяю, я утверждаю, что это замечательная, необыкновенная книга, несмотря на то, что прочитал пока всего пару-другую страниц... зрение уже совсем ни к черту, м-да, как там у Пушкина? *под старость жизнь такая гадость*... потом как-нибудь я расскажу тебе, как ко мне попала эта тетрадь... а сейчас послушай главное. Возможно, я старый дурак и нахал, но, надеюсь, ты поймешь меня. Я отдам тебе эти записки, если ты согласишься прочитать мне их. Ну как? Согласен?»

И что мне было делать? У меня почему-то тогда сразу сложилось убеждение, что мой отказ убил бы его на месте, и я начал читать... Вы сами видите, какая это толстенная тетрадь, поэтому читать мне пришлось целых пять дней подряд. Впрочем, должен сказать, что я не жалею о потраченном тогда времени: во-первых, записки, действительно, оказались увлекательными, но не менее увлекательными и неожиданными были истории, которые рассказывал дед, прерывая вдруг мое чтение фразой: «Кстати, со мной в свое время случилось нечто похожее...». Дома я решил по возможности полно конспектировать его рассказы, и когда мое чтение было закончено, у меня накопилась весьма приличная пачка исписанных листов – они в этой папке... Вот... А через некоторое время старик Скундин начал резко худеть... Я навещал его практически до конца. Иногда читал записи его рассказов, он в них что-то просил выкинуть, что-то добавлял, а в конце последней встречи принес папку, на обложке которой было написано «Древнегреческая драматургия. Конспекты», вынул из нее пачку пожелтевших листов и, передавая их мне, шепнул: «Это тебе, это то, что я писал *в стол* и еще кое-какие бумаги»... Короче, в этой папке содержатся его *воспоминания, записки, документы*... и... – и тут Юра замолчал.

Это было очень неожиданно: только что человек говорил, говорил долго, не переставая, и вдруг умолк. Пауза затягивалась, и я решил прервать ее:

– Дорогая *Джулия Лэмберт*,¹ не могли бы Вы, в конце концов, объяснить, что Вы от меня-то хотите? – Юра расхохотался:

– Да я думал, дядя Володь, вы и сами догадаетесь. Ваши книги о творчестве Пушкина – мои настольные книги, и я уверен, что из этих записей Вы, и только Вы, можете составить что-то стоящее...

– Ну, хватит, хватит. Жалкий льстец! Вот возьму сейчас, да и откажусь... Ладно, ладно, я беру их, посмотрю, авось, что-нибудь да выйдет...

Знал бы я тогда, с каким ужасным почерком этого будущего *нового немца* мне предстоит возиться, наверняка отказался бы!

*20XX года, ноября 16,
Москва*

¹ Персонаж романа У.С. Моэма «Театр» – актриса, которую учили «если уж сделала паузу, тянуть ее, сколько сможешь». (Примеч. Составителя)

Глава 1

Дед и внучка

Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, приискав к каждой главе приличный эпитаф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Пушкин, «Капитанская дочка»

В один из редких в последние годы наездов внучки в Москву ее дед, Николай Арсеньевич Скундин получил неожиданный подарок. Она привезла из США, где давно постоянно жила вместе с бывшей женой Скундина, тетрадь размером с гроссбух.

– Лиза, что это? – спросил старик своим, ставшим обычным, брюзгливым тоном.

– Дедуленька, миленький, это еще один мой маленький подарок за эту квартиру. – И Лиза обняла и поцеловала деда в обе щеки.

Год назад Скундин приватизировал свою двухкомнатную квартиру, сделав Лизу ее собственницей. Это был его подарок внучке к ее шикарной свадьбе с молодым американцем Джеком Уотсоном. После медового месяца молодые остались жить в бабкином доме, в пригороде Бостона: Джек звал жену *Чистюлей*, Лиза чаще всего называла его Джекулей, а когда он *выводил ее из себя*, то мужем...

Вообще с этой квартирой всё получилось как нельзя удачно. Переписав ее на внучку, старик не только как бы совершил благородный поступок, но, главное, подарил себе несколько спокойных последних лет жизни. В этой новой России одинокие старики, имевшие собственную квартиру, неизбежно попадали в лапы так называемых «черных риэлторов» и долго не протягивали. И когда внучка заводила речь о квартире, он хотел объяснить ей это, но всякий раз его останавливало опасение навсегда потерять нравящиеся ему изъявления благодарности. Вот и в этот раз он не стал ничего говорить.

Тут взгляд его скользнул по обложке тетради. На ней аккуратным почерком было записано: *Журнал Берестова*.

– Какой-то Верестов... Наверняка, сплошной дилетантизм, да и глаз жалко, – подумал про себя старик и, скорее из вежливости, заставил себя спросить:

– Откуда она у тебя?

– Ой, дедуля. Это ж такая история... – быстро заговорила Лиза, словно ждавшая этого вопроса. – Представляешь, этим летом мы с Джекулей решили навестить его дядюшку Джона в Филадельфии, помнишь, я тебе его показывала на наших свадебных фотографиях? – он единственный, у кого там галстук-бабочка. Он, как и ты, один живет, у него старый одноэтажный дом с мезонином в десяти минутах езды от центра города. Дядюшка отвел нам гостевую комнату в мезонине. Ну и пылица там была! Мне пришлось часа два ползать по нашим новым апартаментам с ведром и мокрой тряпкой.

– Погоди, погоди, опять ты про стариковскую пыль...

– Ну, дедуля, не перебивай. Я уже почти добралась до тетради. Ты же сам спросил про тетрадь? Так вот, потом я крикнула Джекуле, чтобы он задвинул куда-нибудь в угол тяжеленную коробку, стоявшую прямо посередине комнаты. Муж явился, не запылился и, как мне показалось, с недовольной рожей – они, видите ли, что-то там очень важное обсуждали с дядей-алкоголиком...

Тут дед хотел было вступить за почтенного американца («У тебя, Лиза, любой, выпивающий изредка пару шкаликов бурбона, алкоголик»), но вспомнив, какую длинную лекцию о вреде алкоголизма ему пришлось однажды выслушать от внучки, решил промолчать.

– ...И вот, появившись наконец, вместо того чтобы задвинуть или выкинуть куда-нибудь ту коробку, муж зачем-то принялся исследовать ее содержимое. Я позже узнала, что первым тогда на мой зов отреагировал дядя Джон: «А-а, коробка... это, верно, та коробка, в которую я засунул всякую ерунду из старого сундука и игрушки Стивена... Джек, помнишь, вы еще играли в них, когда были маленькими?», после чего мой муженек и решил вспомнить детство золотое... Начал он с того, что вывалил на только что вымытый пол содержимое коробки. Легковые и грузовые машинки, игрушечные кораблики, несколько вагончиков от детской железной дороги, маленькие шахматы, картонная шахматная доска, коробка от игры «Монополия», уже вся желтая от времени, в которую, наверно, играл еще сам дядя Джон, маленькие счеты, головоломки в пластмассовых коробочках, две ракетки для настольного тенниса, воланы для бадминтона, потрепанные книжечки комиксов, что-то еще в том же роде... и вот эта самая тетрадь. Я тут же обратила внимание на русский заголовок и, пока Джекуля, с обожанием осматривая каждую фитюльку, стал укладывать весь этот хлам назад, решила полистать ее, а когда увидела среди текста рисунки, то сразу подумала о тебе: ты ведь тоже сам иллюстрировал когда-то свои первые книжки. Я тут же...

– Тут же посчитала, что мне это будет интересно, – вновь перебил ее дед. – Как видно, ты не в курсе, что достигнув определенного возраста, любой литератор перестает читать чужие вещи, а я и свои уже не читаю...

– Да ладно, так я тебе и поверила... Или ты хочешь сказать, что и Пушкина не читаешь?

– Лизанька, ты меня, наверно, не поняла, – опять забрюзжал старик. – Кстати, Пушкина интеллигентный человек не читает, а перечитывает, а под чужими вещами я подразумеваю неизвестных мне новомодных авторов.

– Ну, хорошо, хорошо, дедуль, ну, пожалуйста, дай я закончу. Короче, потом я спустилась к Джекулиному дядюшке и, протянув ему тетрадь, спросила: «Здесь русский текст... откуда она у вас?» Он взял ее, смотрел, смотрел на обложку, а потом коротко ответил: «Из сундука, – и добавил, – если хочешь, забирай ее себе». Конечно, в благодарность я чмокнула его в небристую щеку. А вечером, за ужином, после того как я снова завела разговор о тетради и перевела на английский самое начало *Журнала*, дядя Джон вспомнил, что тетрадь в сундуке, занимавшем раньше чуть ли не полкоридора, обнаружила незадолго до развода его жена Герда, когда освобождала сундук от древних, еще прабабкиных тряпок, и что сейчас сундук стоит в подвале, и дядя Джон хранит в нем бутылки с коллекционным вином. Вот. И еще дядюшка Джон сказал, что муж у его прабабки Маргарет был русский, и, значит, он сам на сколько-то процентов русский, правда, не знает ни одного русского слова. А того мужа прабабки убили грабители через месяц после их свадьбы, и потом она родила дочку – бабушку дяди Джона, и вырастила ее одна. Вот. И вообще, я, правда, не очень внимательно читала, но, мне кажется, это никакая не новомодная вещь...

Глава 2

Журнал Берестова (I)

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Пушкин, «Будрыс и его сыновья»

28 июля 1906 года

В этом году ей должно было исполниться 46 лет... Полгода назад (точнее, 5 месяцев и 27 дней) умерла моя жена Мария, умерла и похоронена здесь, в Филадельфии. С тех пор я остался один, один, один...

Но говорят же – время лечит. Не помню, какая была весна в этом году. Кажется, было очень душно. Летом начались дожди, и с ними, когда внутреннее одиночество совсем уже превратило меня в одичавшего доходягу, пришло исцеление. Сначала я стал изредка перелистывать книги, в основном, те, которые привез с собой из России, затем обратился к коллекции *мелких американских и английских монет*, которую я собираю вот уже больше 10 лет, и в течение месяца почти каждый вечер высыпал монеты из шкатулки на стол и разглядывал их через лупу, а в прошедшее воскресенье, в день памяти святой Марии Магдалины, в именины моей любимой Марии, меня, буквально, вернула к жизни случайная находка непонятного, странного глиняного диска, испещренного какими-то чудными рисунками. Вот он, на моем столе, похожий на праздничный пирог:

Рисую я, конечно, так себе, но как вышло – так вышло. Обратная сторона диска заполнена, также по спирали, похожими группами рисунков, также отделенными друг от друга вертикальными чертами. Но сейчас зарисовать ее у меня просто не хватило терпения. Возможно, я сделаю это как-нибудь потом.

Почему-то я сразу решил, что в этом диске сокрыта какая-то важная тайна. И эта тайна притянула меня к себе, и я вдруг уверился, что сумею ее разгадать. Какое хорошее чувство – уверенность в себе! Какие неожиданные начинания удаются уверенному в своих силах человеку! Собственно говоря, именно та уверенность и надумила меня заняться абсолютно новым для меня делом, а именно, завести *Журнал*, в который я решил заносить мои *размышления над этим странным глиняным диском*.

Я точно знаю, что в нем так сильно, с первого взгляда, подействовало на меня, заставило наконец-то взять себя в руки: это был рисунок *головы кошки*. Дело в том, что Марию я часто звал *моя кошечка*, при этом всегда удивляясь, как Пушкин смог так точно нарисовать портрет моей красавицы жены:

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела – что котенок у печки —
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся будто две свечки!

«А может *голова кошки* на этом диске обозначает **жену?** – сразу же подумалось мне. – А почему нет? Кстати, в Древнем Египте богиню любви, женской красоты и домашнего очага изображали в виде кошки или женщины с головой кошки». А потом я обратил внимание на группу из 3-х рисунков: *голова кошки + голова кошки + пчела*. Я сразу же сопоставил *пчелу* с **мёдом** или с **приносящей мёд**, а потом, чуть-чуть подумав, заменил **мёд** его устаревшим синонимом – **миро**, и в результате у меня получилась очень недурная расшифровка – это же **жены-мироносицы**, те самые евангельские жены-мироносицы, которые принесли благовест о воскресении Христа и которые для верующих людей являются образцом чистоты и целомудрия. И вдруг, как наяву, я увидел склонившуюся ко мне мою Марию, одетую Марией Магдалиной, и услышал ее голос:

– Вот он, ключ к разгадке: найди смысл, скрытый в каждом рисунке, и он позволит получить из каждой группы рисунков известное выражение.

На всякий случай я решил тут же найти хотя бы еще одно подтверждение этой *максимы от Марии*, и мне опять повезло. На другой стороне диска я увидел группу из 2-х рисунков: *голова кошки + дом*, очевидно, изображающую известную сентенцию: **на жене – дом, всё домашнее хозяйство**; можно сказать и по-другому: **жена – домашняя хозяйка** или, выражаясь высокопарно, **жена хранительница домашнего очага**.

...Но теперь я просто обязан расшифровать весь диск! Это мой долг перед Марией.

29 июля, воскресенье

Есть у меня странное предчувствие, что будущие мои разгадки таятся внутри меня, в моих воспоминаниях, в накопленном опыте. Отсюда в моих записях, возможно, появится немалый налет автобиографичности, за что я заранее приношу искренние извинения случайному читателю моего *Журнала*.

Впрочем, за что я извиняюсь? Любой человек, взявшийся за перо, вольно или невольно, в большей или меньшей степени, использует *свои* жизненные наблюдения, наделяет и главных, и даже второстепенных персонажей *своими* чертами характера. Это присуще и дилетантам, и большим писателям. Возьмем, к примеру, «Героя нашего времени». Черты Лермонтова можно увидеть и в Рассказчике, и в Печорине, и в докторе Вернере. Или Достоевского: у того вообще все персонажи плоть от плоти Достоевский, такие же как он психически неуравновешенные люди. Можно вспомнить и суждение Пушкина о Байроне:

“Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром, издыхающим под схимиею, то странствующим посреди... В конце концов, он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), всё, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал он по одной из составных частей сего мрачного и сильного характера и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных”.

В прозе самого Пушкина обнаружить черты его характера, в дополнение к только одному ему присущему, изумительно точному слогу, довольно трудно. Впрочем, нет... в «Романе в письмах» он достаточно подробно рассказал о себе.

...А посему, прочь извинения. «Я» в этих записках – это я, Андрей Григорьевич Верестов, и потому (прочь стеснительность!) я начинаю мой *Журнал* с представления своей *нескромной* особы.

Я родился 24 сентября 1861 года в старинном Трубчевске, уездном городке Орловской губернии, в семье среднепоместных дворян. Осенью 1884 года, после четырех лет обучения на физико-математическом факультете Киевского Императорского университета, меня вышвырнули из него за участие в студенческой демонстрации, организованной против университетской реформы «Царя-миротворца». Позже я понял: таким манером щедринским «карасям-идеалистам», каковыми являлись большинство исключенных, было *чисто по-русски* объяснено, что такое *добродетель*.

Недавно я задумался, хотел бы я вернуться в Россию? Не в воспоминаниях, как делаю это сейчас, а реально? Сначала мне показалось, что увидеть мягкие русские леса, скромные полевые цветы, теплые песчаные отмели, сияющий на солнце снег было бы неплохо... Но когда я представил, что придется общаться с *народом*, находящим самоуважение в матерщине, плевках, приворовывании и прочей грязи, то сказал себе «нет, ни в коем случае».

...Итак, 1884 год. Киев – мать городов русских. В отличие от многих студентов, особенно «философов» и «медиков», я не воспринял мое исключение из университета как трагедию – и это притом, что в те годы я был абсолютно аполитичен, а на демонстрацию пошел, как бы это сказать, *за компанию*, что ли? Какая трагедия? Во-первых, у меня уже тогда сложилось твердое убеждение в бесполезности дальнейшего обучения: что из меня не получится ни Эйлера, ни Коши мне было ясно уже на первом курсе, а науку умения организовать собственное мышление – в этом и состоит главное предназначение математики! – я, к своим 23 годам, усвоил достаточно хорошо. А, во-вторых (и это главное!), я до сих пор с ужасом думаю, что было бы со мной, если бы я *не пошел* на ту демонстрацию! Ведь тогда я не встретил бы Марию! Вот это была бы трагедия!..

И когда нам «торжественно» объявляли «страшный приказ», мыслями я был с *ней*. И когда, приехав зимой к моим родителям, выслушивал их укоры и причитания, я думал только о *ней*, вспоминал, как мы шли мимо «вечно строившегося» Владимирского собора, как увидел *её*, улыбающуюся самой красивой улыбкой в мире, как лихо, что было мне совсем не свойственно, представился *ей*:

– Разрешите отрекомендоваться, Андрей Верестов.

– Мария Щапаньска, – ответила она, остановившись, и протянула мне свои маленькие руки. И куда только делась тогда моя смелость! Я держал ее нежные ручки, понимал, что мне следует наклониться и поцеловать их, но не мог этого сделать из страха, что она может исчезнуть, если я, хотя бы на мгновение, опущу глаза. А она продолжала улыбаться, и я не мог оторвать взгляда от ее зелено-карих глаз, крохотных морщинок под глазами, припухших губ, открывавших ровные белые зубы... И еще одна навязчивая мысль крутилась в мозгу: «А что будет, если я сейчас опущу перед ней на колени?»

– А я здесь с братом, Юзеком, он на медицинском учится, – сказала она весело. – Ой, да мы же с вами отстали от всех, давайте догонять...

И она взяла меня под руку, и я уже не видел ничего, кроме ее прелестного носика, темных, пышных волос, заколотых сзади пучком, чуть подрагивающей при походке груди...

В Киеве она жила с родителями, богатыми поляками, которые на лето уезжали в свое поместье под Люблином, а с осени по весну снимали часть дома на Липках, как говорила мне впоследствии Мария, «чтобы быть поближе к любимчику матери Юзеку». Его исключение из университета настолько поглотило все помыслы графа и графини, что они, кажется, и

не заметили даже, как их старшая дочь обручилась с перекрестившимся в католика «паном Анджеем». Но «все хорошо, что хорошо кончается»: через год, после ходатайств варшавских друзей Щапаньских, Юзек был переведен на третий курс лечебного факультета Ягеллонского Университета, и в ноябре 1885 года его родители отправились в Краков, а мы с моей невестой Марией – в Бремерхафен, чтобы сесть там на пароход «Фульда» и отплыть в Нью-Йорк.

Глава 3

Фронтвик-победитель

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы.

Пушкин, «Метель»

– Пан не желает обменять две банки консервов на мою женщину? Есть самогон, хороший самогон... нет? А что есть у пана?..

Память переносит Скундина в май 1945 года на привокзальную площадь городка *Кузница*. Тощий, высокий поляк бежит от солдата к солдату, предлагая свой обмен. Кругом сутолока, гвалт, прощания с остающимися, обещания обязательно встретиться на Родине... Демобилизованный рядовой N-ского танкового корпуса, 20-ти летний Коля Скундин, докуривает очередную самокрутку из дрянного пайкового табака, выданного ему в Белостокском госпитале, где он «провалился» почти два месяца после тяжелой контузии. Его «цивильный» поезд пойдет только вечером, а пока он наблюдает, как готовится к отправке на Родину поезд с вагонами-теплушками для красноармейцев, демобилизованных по возрасту. Наконец, паровоз дает гудок, поезд трогается, звучит марш, исполняемый военным оркестром, вагоны медленно проплывают мимо здания вокзала, в раздвинутых дверях «теплушек» сменяются смеющиеся и строгие, чисто выбритые и заросшие лица, и вдруг картинка, которую Скундин не забудет никогда... над дверной поперечиной движущегося вагона, раскачивается в такт маршу труба, вжатая в губы бледного как смерть музыканта, одежда которого состоит из одних кальсон и накинутой на плечи шинели, – по-видимому, это все, что у него осталось от общения с тощим поляком...

Была у Скундина еще одна «польская» история, но случилась она уже в Москве...

Послевоенная родная Москва встретила Скундина далеко не так, как ему представлялось на фронте. Можно, конечно, сказать, что семье Скундиных безумно повезло – по счастью, живыми остались все: и отец, добровольцем пошедший на войну и воевавший партизаном-подрывником на украинском фронте, и вернувшийся с одной рукой муж старшей сестры, и он сам, дважды раненый. Но, с другой стороны, о какой счастливой жизни можно было говорить, когда шесть человек (были еще мать и двухлетняя племянница) начинали вечером укладываться спать в четырнадцатиметровой комнате. Быт определил и место его первой послевоенной работы: ночным сторожем в метро «Сокольники». Работа эта ему страшно не нравилась, и он все чаще раздумывал над предложением своего фронтowego приятеля Леонида, сухумского грека, подзаработать в конце года на сборе абхазских мандаринов.

Кроме Скундиных в дореволюционном загородном помещичьем доме, превращенном в советское время в коммунальную квартиру, обитало еще восемь семей. Одной из них была семья беженцев из Белоруссии: пожилой, под 50, еврей – буфетчик вагона-ресторана, редко бывавший дома, его жена, 38-летняя полька, работавшая в Райкартбюро, и их 12-летний сын Геня. Каким образом они сумели прописаться в Москве? – этого никто из жильцов понять не мог, но многие хотели бы... С Лидией Владиславовной, так звали польку, Николай иногда перебрасывался несколькими словами на кухне, когда он, переждав утреннюю, «коммунальную», суету, раскошегаривал дровами кухонную плиту, чтобы вскипятить чайник, а она, проводив сына в школу, подходила сварить себе перед работой кофе *на дрожку*.

Было серое октябрьское утро, когда Скундин распрощался наконец с опостылевшей ему работой. Ушла его последняя ночь в метро, и уже на следующий день он должен был сесть в поезд Москва – Сухуми. Моросил мелкий-мелкий дождь, но Скундин все равно решил идти в парк. Это была его тайная примета, что ли? – если перед отъездом из Москвы он пройдет Боль-

шой круг Сокольнического парка, то обязательно вернется домой, вернется живой и невредимый.

– Так, Вы постановили уехать? И надолго? – спросила его соседка-полька, едва он вошел на кухню. Было уже около 11 часов утра – самое рабочее время; в доме было тихо, не было слышно даже шарканья стариков и старух.

– Да нет, не очень, думаю вернуться к Новому году, – ответил Скундин.

– Ой, *зажукают* Вас там, на песочке, горячие тетки, ой *зажукают!* – рассмеялась она, а у него вдруг онемело все тело, и только мозг начал отстукивать одно слово: «Сейчас, сейчас, сейчас»... Как же она возбуждала его! Ему нравились тонкие черты ее лица, высокий рост, выступающий вперед животик, а большая грудь просто сводила с ума... «Сейчас надо что-то сказать, что-то сказать...» – это мозг продолжал свою работу, и он пролепетал:

– А почему Вы дома сейчас... сегодня?

– Так, *занемогла*... немножко. Вчера отпросилась на *дзет, цераз* буду лежать, – и она, не торопясь, слегка покачивая бедрами, пошла к себе. «Что же я? что же я стою, как дурак?» – наконец-то мелькнула в его мозгу здравая мысль, и он двинулся... к раковине, находившейся в дальнем углу кухни. Пустив ледяную воду, он принялся пить прямо из-под крана. Напившись, он покружил немного по кухне и вышел в коридор. Он сразу же заметил чуть приоткрытую дверь в ее комнату: «*Цераз, цераз, цераз*»... – вновь застучало в мозгу. Он неслышно, почти на цыпочках, подошел к двери и заглянул в щель.

Она стояла совершенно голая, спиной к нему, и смотрела в зеркало гардероба, смотрела строго и прямо на него. Он проскользнул в ее комнату, осторожно прикрыл дверь, а она уже шла к нему..

* * *

– Тебе говорили уже, что ты сильный мужчина? – было первое, что потом спросила она.

– Нет, – ответил он, и это была чистая правда, потому что до нее у него вообще не было ни одной женщины.

Как и предполагалось, к Новому году он вернулся в Москву. Но Лидии уже не было: о своем возвращении вместе с мужем и сыном в Минск она написала Николаю еще в ноябре...

Глава 4

Журнал Берестова (II)

*Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный...*

Пушкин, «Борис Годунов»

1 августа

Это произошло в субботу, в день моего обязательного посещения Центрального христианского кладбища Филадельфии. Итак, ровно десять дней назад, отдав «короткие», субботние 7 часов перфокарточной машине Германа Холлерита в офисе «Филадельфийского бюро переписи населения США», я отправился к *Марии*. Сначала всё шло по заведенному мной ритуалу: я положил на плиту 2 желтые розы и, постояв у могилы около получаса, отправился в церковь. Акафист настолько тогда опечалил меня, что, выйдя после службы на улицу, вместо того чтобы, как обычно, идти домой, я решил вновь вернуться на кладбище.

Скоро стукнули ворота: кладбище закрылось. Быстро приблизилась ночь. Посвежело. Из наплечной сумки я извлек фляжку с бурбоном, хлебнул немного. Грусть не проходила. Вспомнился Киев, Полтава, где я полгода отслужил земским статистиком, Пушкин:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух...

И, как всегда, когда мне на ум приходила пушкинская «Полтава», тревога охватила меня. Понеслись какие-то обрывки мыслей: «Сумасшедшая дочь Кочубея... Зачем Мария? – ее же звали Матрена... две отрубленные головы в руках палача... Все-таки что-то в «Полтаве» было сделано не так – совсем не случайно она *не имела успеха*... Весь 1828 год был у Пушкина какой-то неправильный, ненормальный»...

Я в последний раз приложился к фляжке, сунул ее назад в сумку и медленно побрел к забору. Было уже совсем темно, когда я уткнулся в кирпичную стену, крутой скалой уходившую к звездам, и сразу осознал, что перелезть через нее мне будет не под силу.

«*А мне пора, пора уж отдохнуть...* – вспомнилось вдруг из «Бориса Годунова». – Стоп, стоп, стоп... Так вот в чем неправильность «Полтавы»! *Обольщенная дочь и казненный отец* – такая ужасная драма, и обычный четырехстопный ямб! Ах, какая получилась бы великолепная вещь, напиши ее Пушкин слогом «Бориса Годунова», «Русалки» и «Маленьких трагедий»... – и, умиротворенный своим нечаянным открытием, я заснул... впервые заснул *под забором*, пристроив под голову сумку.

Сколько времени продолжался мой идиллический сон? Не знаю, но, по-видимому, не долго: было еще довольно темно, когда он был прерван громкими свистками и скрипом открываемых ворот. Я приподнял голову: какой-то человек бежал прямо на меня. От страха я вжался в землю. Его сапог промелькнул буквально в сантиметрах от моей головы, что-то звякнуло. Я взглянул вверх и на фоне светлеющего неба увидел сидящего на заборе человека, потом – вскрик и быстро удаляющиеся шаги. Откуда-то из глубины кладбища доносились приглушенные голоса.

Я потянулся за моей сумкой и коснулся пальцами какого-то предмета, лежавшего на ней. На ощупь это был диск с шершавой поверхностью. Растопырив пальцы, я сумел обхватить его и слегка приподнять, т. е. в диаметре он был не больше 20 сантиметров. Тут он выскользнул из моей ладони, гулко стукнувшись о землю. Голоса приближались (так мне казалось), надо было уходить, и уходить быстро. «Но, – подумалось вдруг, – находку оставлять здесь нельзя: ведь на ней могли остаться мои отпечатки пальцев, по которым какой-нибудь филаделфийский *простофиля Вильсон* сможет уличить меня²». Пошарив рукой вокруг сумки, я (слава богу!) сразу наткнулся на диск. Вынув из сумки фляжку, я сунул ее в задний карман брюк, затем положил в сумку диск и огляделся вокруг. Это было идеальное место для побега с кладбища: метрах в трех от меня стоял огромный клен, две нижние ветки которого опирались на гребень забора. С помощью такого дерева выбраться на улицу было секундным делом, и четверть часа спустя я уже отпираю дверь дома, в котором с начала нынешнего лета снимаю комнату.

Когда сегодня утром, как обычно по воскресеньям, я спустился вниз попить чаю и поболтать с хозяйкой о том, о сем, Эмили – именно так она попросила ее называть с первого знакомства, «ошаршила» меня новостью, о которой узнала только что на рынке:

– Нет, Вы только представьте себе, Андрэ, что творится в нашем городе! У нас завелся кладбищенский вор! Сегодня ночью он пытался вскрыть несколько надгробий на Центральном кладбище, в том числе, и захоронение самого Бенджамина Франклина! Слава богу, молодцом оказался сторож. Около трех ночи он увидел, как в глубине кладбища иногда вспыхивают огоньки. Он сразу сообразил, что там находится грабитель, подсвечивающий себе огнем спичек, и начал свистеть. Вместе с подоспевшим полицейским они бросились внутрь, но только никого схватить им не удалось. Потом оказалось, что вору удалось сдвинуть ломом несколько надгробных плит, и в их числе плиты Франклина и его жены. А лом-то был этих самых реставраторов, которых за муниципальные денежки подрядили привести в порядок захоронение Франклина к его 200-летию юбилею. Что же за люди сейчас стали! Ну, разве можно так относиться к своей работе. Вот в наше время...

Старушка Эмили любила поболтать, из-за чего она испытывала постоянную потребность в слушателе. Но родственники редко навещали ее, приходившая прислуга – стеснительная молоденькая негрятка Опра, вечно куда-то торопилась, и вот наконец-то в ее доме появился человек, всегда готовый выслушать ее. А, надо сказать, что слушать я умею хорошо. Начало же сегодняшнего монолога Эмили заставило меня слушать ее как никогда внимательно.

...А она еще битый час говорила о том, как раньше всё было правильно и хорошо, несколько раз повторяла рассказ о ночном происшествии на кладбище, каждый раз украшая его новыми подробностями, включая в него даже мысли и переживания сторожа, и под конец мне стало казаться, что она той ночью тоже была там...

² Простофиля Вильсон – герой одноименной повести Марка Твена, раскрывавший запутанные истории с помощью сравнения отпечатков пальцев. (Примеч. Составителя)

Глава 5

Поездка за «трофеями»

– Батюшка Петр Андреич! – сказал добрый дядька дрожащим голосом. – Побойся бога: как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников!

Пушкин, «Капитанская дочка»

На фронте рядовой почти любой военной специальности засыпал на голой земле столько раз, что редкая возможность устроиться с удобствами, на лавке или на полу, в какой-нибудь избе – понятно, что о всяких там простынях и подушках не могло быть и речи – представлялась ему даром божьим. Скундину с этим повезло: он с первого до последнего своего фронтового дня отвоевал шофером полуторки, в кабине которой обычно и спал. Он колесил, в основном, по рокадным дорогам, развозя продукты и медикаменты, убитых и раненых, иногда и боеприпасы. Были, конечно, случаи, когда ему приходилось спать и на земле и вообще в чёрт-те каких условиях, но ведь главное на войне – остаться в живых...

20 августа 1944 года, воскресенье, «День авиации». Накануне Скундин сделался «безлошадным». Его грузовик, шедший последним в попавшей под обстрел колонне, сгорел у него на глазах. Скундин и ехавший с ним старший лейтенант в последнюю минуту выпрыгнули из грузовика. Обстрел закончился так же неожиданно, как и начался. Скундин выбрался из кювета, обошел догоравший ГАЗ-АА: по другую сторону дороги, в кювете лежал *его офицер*, которому осколком дальнобойного снаряда снесло череп. Из искореженной кабины Скундин вытащил свой обгоревший автомат и стал ждать попутки. В санбате у него не нашли никаких признаков контузии, и на следующий день ему предстояло отправиться в место дислокации штаба корпуса. Но начальство предполагает, а жизнь располагает...

Рано утром в расположение санбата приехали на машине майор и капитан взять пару солдат для поездки «за трофеями». По совету главврача первым «выбор пал» на Скундина, который начал было говорить майору, что его автомат не исправен, но тот *успокоил* его:

– Через 4 часа будешь на месте. А сейчас терять время мы не можем, нужно срочно вывезти необходимое из захваченной в Эргли немецкой военной аптеки. Танкисты только что радировали, что у аптеки – наш часовой, но если подойдет пехота, то он не уберезет.

Вторым «заграбастали» почти поправившегося рядового Бориса Мухачёва, как оказалось, тоже москвича, да еще жившего совсем рядом с Николаем: от Сокольников до Борькиной Семеновской площади было всего несколько трамвайных остановок.

...До Эргли они добрались меньше чем за час. Аптека на окраине города. Около нее – часовой из разведбата. Он тут же на своем мотоцикле уехал. Стали загружать всё подряд, сначала с нижних стеллажей, а когда дошла очередь до верхних, у Скундина, полезшего на стол, закружилась голова, и он упал, да так неудачно, что прямо на стеклянную колбу. Колба разбилась, и Скундин осколками поранил в нескольких местах левую руку.

– Зараза докторша, – ругался вполголоса Николай, когда Борис перевязывал его, – говорил же я ей, что у меня голова болит, а «она признаков контузии нет», «признаков контузии нет»... Только и умеет, что кишки штопать да конечности отпиливать. Правильно ее имя переделали: из Розы в Резу..

Наконец, всё загрузили, тронулись. И только-только выехали из города, как появились немецкие самолеты и стали беспрерывно бомбить: невдалеке загорелось несколько машин. Решили дожидаться вечера. Часа через три поехали, но вскоре вновь пришлось остановиться: впереди дорогу простреливали немецкие танки. Шофер все-таки решил прорываться, но майор

приказал остальным вылезти из машины и идти за ним через лес: судя по его карте-двухкилометровке, наш санбат должен был находиться километрах в пятнадцати к юго-востоку.

Уже стояла ночь. В лесу майор и его «взвод» из 3-х человек наткнулся на группу из нескольких военнослужащих из пехотной поддержки танков, также выходявших из окружения. Они рассказали, что прорыв нашей танковой бригады, не обеспеченный с флангов, немцы сумели охватить с тыла...

...На рассвете группа пошла на выстрелы артбатареи – майор предположил, что наша. Оказалась – немецкая. Еле успели отбежать в лес и чуть не напоролась на немцев: лес пересекала просека, и по ней шли немцы – хорошо, что все успели вовремя лечь на землю. Немцев было много, возможно, не меньше батальона. Они шли и шли, и... Скундин заснул.

Разбудил его Борис. Больше никого не было. Уже совсем рассвело, когда они вышли на опушку леса. Невдалеке протекал ручей. Ребята по перелеску пошли к нему, чтобы набрать воды, и в метрах тридцати прямо перед собой увидели двух немецких солдат – один умывался, наклонившись в ручей, а второй в полной форме, с автоматом в руке смотрел, как казалось Скундину, прямо на него. Тут немец с автоматом что-то сказал товарищу, тот взял свой автомат, и они пошли вдоль ручья, прочь. А ребята бросились назад, в спасительный лес... Часто вспоминая позже тот момент между жизнью и смертью, Скундин долго не мог решить для себя, видел его тогда немец или нет. А потом, все-таки, пришел к выводу, что видел, но в рассветном мареве его выцветшая гимнастерка выглядела, как деревенская рубашка, к тому же, у него в руках не было оружия – вот фриц, наверное, и принял его за местного деревенского.

– Я, как увидел их, так сразу и упал, – весело заговорил Борька, едва отдышавшись. – А потом смотрю, а ты стоишь, как пень. Ты что? Решил, что это медведь? Это я читал, что при встрече с медведем, надо смотреть ему прямо в глаза, и он испугается и уйдет. Да?

– Да я вдруг растерялся как-то. И, знаешь, была только одна мысль – видит он меня или нет? А может, не видит? гимнастерка-то у меня незаметная, да и сам я не очень-то большой. А если пошевелюсь, то точно заметит.

– А у меня вообще никаких мыслей не было. Упал и всё. А вот, Коль, если бы он закричал «Хенде хох»? Что бы ты сделал?

– Да, об этом я уж давно думал, еще, когда в запасном был. Не-е-т, в плен я бы не сдался. Вот, у меня лимонка в кармане. Я тогда бы взорвал себя. Точно взорвал бы... а ты?

– Я бы тоже в плен не сдался. Да, а знаешь, майор, который брал нас из госпиталя, дал мне противотанковую «Танюшу». Но без запала. Вот чудик! А в плен я бы тоже не сдался. Я бы побежал от него, я быстро бегаю. Застрелил бы, так застрелил бы, а в плен бы не сдался.

– Борь, а тебя в какой запасной призывали?

– В ** истребительный батальон, почти рядом с Владимиром. А тебя?

– Ух, ты!.. И меня туда же. Надо же? Вот это да! Тебя когда призвали? Меня в прошлом году: первого января, как положено, явился на сортировочный пункт, а оттуда строем на Курский вокзал и во Владимир.

– А меня первого января этого года. Ты ведь, наверно, с 25-го? Да? Во-от. А я с 26-го.

– Послушай, Борь, а такой толстомордый лейтенант, забыл его фамилию, тоже вместе с вами жрал там нашу еду?

– Знаю, знаю... А как же: жрал, конечно. Только сейчас он уже старший лейтенант.

– Вот сволочь!

– Да-а, сволочь, и еще какая... А тебя куда после запасного отправили?

– Под Курск. Шофером. ВУС-26³. А тебя?

³ ВУС – Военно-учетная специальность. (Примеч. Составителя)

– А меня под Полоцк, в начале этого июня. Истребителем танков. ВУС-2. Только мне сразу, можно сказать, повезло: я был ранен в плечо в первой же атаке... Подожди, а как же ты из того ср... запасного попал в шоферы? Там же не учили водить.

– Да там, понимаешь, как вышло. У меня в документах было записано, что я имею удостоверение тракториста, вот меня в один прекрасный день и забрали в танковый полк. А когда нас привезли на место, построили, командир полка стал всех расспрашивать по очереди. Подошел он ко мне и спрашивает: «Ну что, хочешь быть механиком-водителем *Тридцать четверки*?». А я ему: «Не-а». А он мне: «Ну и му. к», – отвернулся к старшине, ну который за ним шел, и распорядился: «У нас там, на днях, шофера полуторки убило, отдайте ее этому». Вот так я и стал шофером.

Тут довольно далеко позади, возможно, оттуда, где они недавно видели немцев, донесся треск мотоцикла, мгновенно прервавший их разговор.

– Знаешь что? – сказал Николай, когда звук мотоцикла окончательно пропал.

– Что?

– Давай пробираться к своим ночью, а днем спать, по очереди?

– А что? Давай. Вот здорово! Только, чур, я буду спать первый...

Под вечер ребята пошли дальше. Николай совсем расклеился. Его раны на руке загноились, и он очень ослаб. Была кромешная ночь, когда они вышли на какой-то хутор. На краю хутора стоял небольшой сарай. По прислоненной к стене сарая лестнице они забрались на чердак, втянули лестницу наверх и легли спать. Первым, кого Борис увидел утром сквозь щели сарая, был немецкий офицер, вышедший из дома напротив. Поодаль стояло еще несколько немецких офицеров и солдат. Потом к дому подъехал мотоциклист, вбежал в дом и также быстро вышел, засовывая в планшетку какую-то бумагу. «Скорее всего, напротив их сарая немецкий штаб», – подумал Борис и тут же решил будить Николая, довольно громко стонавшего во сне.

– Коля, просыпайся, только тихо, молчи, молчи... здесь кругом немцы, – прошептал он. – Вон они, рядом, смотри, подползай сюда... видишь?

– Ухты-ы. Раз-два-три-четыре...

– Да их здесь не сосчитать, – прервал товарища Борис, – если учитывать тех, что в доме напротив. Я вот что подумал... днем нам отсюда не уйти, да и ночью тоже... в твоём состоянии ты упадешь в лесу, а я тебя не донесу. Придется сидеть здесь и ждать...

– Ждать? Чего?.. Чего ждать-то? У моря погоды?

– Да, у моря погоды...

Поздно вечером Борька, осторожно спустив лестницу, сделал вылазку на огород позади сарая, где сумел, порезав в кровь пальцы, выдернуть из земли несколько корнеплодов турнепса, и это была их первая еда за двое суток.

А утром начался сильный обстрел хутора. Мины рвались вокруг сарайчика, трещали раздираемые осколками бревнышки стен. Через некоторое время из подвала дома напротив стали вылезать немцы. Пригибаясь к земле, они побежали из хутора. И тут появились наши автоматчики! Спустившись по лестнице, Борис и Николай бросились к ним, но тем было не до благодарственных сантиментов. Один автоматчик, приостановившись, махнул рукой в сторону и быстро пошел дальше, внимательно осматривая все вокруг.

На окраине хутора в невысоких кустах располагалась батарея 88 мм минометов. Потом старшина батареи накормил их и распорядился помочь совсем разболевшемуся Николаю добраться до шоссе, откуда на попутке было рукой подать до санбата.

Глава 6

Журнал Берестова (III)

«Что ж, начинать?» – Начнем, пожалуй...
Пушкин, «Евгений Онегин»

12 августа

Свое исследование диска я решил начать с занесения в тетрадь всех его параметров и прочих сведений. Сделать это было, во-первых, необходимо: так я обезопасил бы мое исследование от случайной пропажи моей случайной находки, и, во-вторых, удобно при отслеживании хода исследования.

Общее впечатление о диске можно получить из моей зарисовки, которую я поместил в начале *Журнала*. Далее, форма диска. Это неправильная окружность, диаметр которой в максимальной части равен 165 мм; толщина – также неравномерна и колеблется в пределах 16–20 мм. Кстати, интересно, почему тот, кто изготовил его, выбрал именно такой размер? Может, такие параметры диска соответствуют некому ритуалу? А, может, причиной послужила и вовсе обыденная вещь? Например, такой размер позволил заказчику диска с удобством и незаметно пронести его из мастерской в имевшейся у него жестяной коробке из-под конфет? Так. Дальше. Обе стороны диска покрыты *значками-рисунками*, которые расположены внутри полосы спирали, разделяясь поперечными линиями на группы. Совершенно очевидно, что значки были вдавлены с помощью печатей в мягкую глину до обжига диска. Количество групп на каждой из сторон диска совпадает и равно 31. Вот еще один интересный вопрос: почему 31, чем замечательно это число? Пока у меня на этот счет вообще нет никаких предположений, но, я уверен, объяснение должно быть!

Чтобы не загромождать повествование всеми прочими сведениями, а именно: зарисовками 243-х *значков-рисунков* (из них различных было всего 45), объединенных в 62 группы, индексацией групп на диске и т. д., я решил отнести их в конец тетради, в раздел *ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ*. Впрочем, несколько замечаний по индексации, т. е. по выбору порядка нумерации групп, имеет смысл привести здесь.

При начале любого исследования самым важным является выбор точки отсчета, иначе говоря, выбор неких постулатов, нарушать которые в процессе исследования будет недопустимо. При этом, необходимо придерживаться следующего правила: если исследование упирается в непреодолимое противоречие между каким-то, даже промежуточным, результатом и одним из постулатов, то неверным следует признать постулат, после чего, как это ни прискорбно, нужно вернуться к поиску новой точки отсчета. Как бы это объяснить попонятней? А-а, вот, вспомнил...

Весной 1881 года я выбирал между двумя факультетами Киевского университета, историческим и физико-математическим. Решил спросить совета у отца. Отец глубоко задумался, а потом сказал:

– Что я тебе могу сказать? Историк из тебя вряд ли получится. Ты честен, а потому никогда не сможешь стать частью этой *касты царедворцев*. Историк – это тот же *щедринский адвокат по гражданским делам* из «Благонамеренных речей», заинтересованный не в поиске истины, а в преуспевании, зависящим от благосклонности, так называемых, *общепризнанных авторитетов*. Хочешь пример?

– Конечно.

– Согласно «Ипатьевской летописи» точкой отсчета становления Руси является год 862, когда аборигены Новгородской Республики (словене, кривичи, чудь и весь), погрязшие в усо-

бицах, добровольно пригласили на княжение Варягов Руси. Карамзин справедливо назвал этот случай «беспримерным в истории», после чего попытался объяснить его, призвав на помощь всю свою «историческую» мощь. Очевидно, летописец был для Карамзина авторитетом, и он, как записной историк, даже представить себе не мог, что летописец лгал. А тот, действительно, лгал.

– То есть, ты хочешь сказать, что никакого *Призвания варягов* не было?

– Нет, я хочу сказать, что *Призвания Варягов* не было в 862 году, и Русь началась не в 862 году. Потому что иначе, несмотря на все ухищрения Карамзина и прочих, кроме как идиотами, Новгородских аборигенов считать нельзя. Действительно, согласно летописи в 862 году Новгородцы отправили делегацию к Варягам Руси с просьбой «княжить и володеть нами», но ведь согласно той же летописи, чуть раньше в том же году те же Новгородцы прогнали тех же самых Варягов, отказавшись платить им дань, которую платили до этого 5 лет подряд. Ну, не идиоты ли они после этого? Конечно, такого быть не могло, и может быть объяснено, например, полным презрением летописца-варяга к аборигенам. Мало этого. «Призвав» варягов во главе с Рюриком в 862 году, летописец вынужден был «умертвить» его до 882 года, и...

– Почему?

– Потому что первым Великим Киевским князем, в 882 году основавшем Киевскую Русь, в Византийской летописи, править которую русский летописец, естественно, не мог, назван Олег, тот, который получил прозвище *Вещий*. Поэтому Рюрик и должен был «умереть» до 882 года, и «смерть» эта привела совсем уж к анекдотическим летописаниям, связанным с его сыном Игорем. По русским летописям оказывается, что у первого Рюриковича и его жены Ольги их первенец Святослав родился в 942 году, через 39 лет после их свадьбы, когда Игорю было уже за 60, а Ольге – за 50 лет, а еще через 23 года княгиня Ольга поехала с официальным визитом в Константинополь, где василевс Константин Багрянородный, восхищенный **неземной красотой** Ольги просил ее руку и сердце. Каково! А ведь все эти нелепости получились только из-за выдуманного *Призвания Варягов в 862 году*. Согласен?

– Да-а... Но зачем летописцу понадобилась эта ложь?

– Как зачем? Чтобы возвеличить Рюрика! Прародителя правящей династии Киевской Руси! Ведь, кем был Рюрик на самом деле? Всего лишь одним из удельных князей. И вся его *историческая заслуга* состояла в том, что ему повезло умереть в присутствии Вещего Олега, который, будучи бездетным, пообещал умирающему усыновить его малолетнего сына Игоря. Конечно, такая *проза* не устраивала Рюриковичей, и летописец решил ублажить их сказкой о *Призвании Рюрика, случившемся еще до образования Киевской Руси*.

– Так, все-таки, было *Призвание варягов* или не было?

– Уверен, что было. Потому что оно описано в летописи слишком реалистично. Но было оно, конечно, не в 862 года, а много позже, на рубеже IX и X веков. Во всяком случае, после 985 года, когда Олег установил Новгородцам дань. Все в Новгородской Республике понимали тогда, что следующим шагом Олега будет полное завоевание Новгорода и установление у них государственного порядка Киевской Руси. И тогда, прощай Республика! Вот тогда-то и начались на Новгородской земле усобицы. Одни предлагали готовиться к войне с Олегом, другие покориться, а третьи придумали хитроумный план, как бескровно сохранить Республику, а именно: пригласить в Новгород на полное обеспечение Варягов того же племени, что и Олег, которые, в отличие от Олега, еще не перебрались в Киев с Варяжских берегов; также Новгородцы добровольно соглашались войти в состав Киевской Руси, но, и это было самым главным, на правах Княжеской Республики. Как раз эта идея и получила большинство на Новгородском вече. Вот и всё.

– Здорово! Пап, но ведь об этом нужно рассказать всем, и, в первую очередь, историкам.

– Ха! Я ведь не случайно начал с того, что назвал их *кастой царедворцев*, которых истина интересует постольку поскольку. В 63-м году я, будучи тогда чуть постарше теперешнего тебя,

даже ездил в Петербург, к Погодину. Нашел. Договорился о встрече. Стал пересказывать, что и тебе сейчас: о лжи летописца, о неверном выборе точки отсчета... Куда там! Любезный Михаил Петрович и дослушивать меня не пожелал, прервал на полуслове вопросом: «А вот вы скажите, милоч, к какому роду-племени принадлежал Рюрик?» В принципе, я был готов к этому вопросу Погодина, зная о его споре по этому поводу с Костомаровым, и ответил, что здесь я согласен с Ломоносовым, относившим Русских Варягов к западным славянам, поскольку и те и другие поклонялись западно-славянскому богу Перуну. Видел бы ты, каким испуганным вмиг сделался знаменитый историк, как он забормотал быстрым шепотком: «Что вы, что вы, какие западные славяне, то есть вы хотите сказать, что наши предки пошли на поклон к полякам, этим бунтарям? Этим неблагодарным людям, которых осчастливила императрица Екатерина, с которыми, как неразумными дитятами, возятся нынешние Государи? Всё, всё, ничего больше не хочу слушать. Идите с богом милостивый государь». – «Лукавый царедворец!» – Ты, конечно, помнишь, что этими словами Пушкин навсегда заклеил Василия Шуйского, но, я думаю, они как нельзя лучше подошли бы и к Погодину... Вот тебе, сын, и весь *исторический* сказ. Так что, поступай-ка ты лучше на математический...

Однако пора вернуться к диску. Итак, я решил присвоить каждой группе рисунков свой индекс. Безусловно, это здравая идея, которая поможет мне в дальнейшем, по меньшей мере, существенно упорядочить исследование. Но, как было сказано выше, любое исследование требует исходной точки отсчета, неких исходных постулатов, которые могут быть либо удачными, либо неудачными. В случае с исследованием проблемы *Призвания варягов* исходное предположение историков, согласно которому варяги были призваны в Новгород в 862 году, оказалось неудачным, что, как показал мой отец, повлекло за собой безобразную историческую ошибку. Ошибиться подобным образом, приступая к исследованию *моего диска*, я не хотел и именно поэтому очень тщательно отнесся к выбору «с чего начать». В первую очередь, наиболее важными мне показались две следующие проблемы:

какую сторону диска следует считать лицевой, а какую – реверсной?

как следует «читать» диск – от окружности к центру или от центра к окружности?

При решении первой проблемы я положился на волю случая, обозначив «*Стороной А*» ту, которая оказалась сверху, когда я впервые выложил диск из сумки на стол и сделал его зарисовку. Соответственно, нижняя сторона поименована «*Стороной В*».

Вторая проблема оказалась более интересной. Далеко не сразу я понял, что ее решение напрямую зависит от постулатов, без принятия которых нельзя проводить никакое исследование. Но когда я это понял, то сразу вспомнил, что *говорила* мне моя Мария: «Вот он, ключ к разгадке: найди смысл, скрытый в каждом рисунке, и он позволит получить из каждой группы рисунков известное выражение». Отсюда мне легко и просто удалось сформулировать два постулата:

каждый рисунок ($r_1, r_2 \dots r_{45}$) на диске является смысловым иероглифом;

каждая группа рисунков ($g_1, g_2 \dots g_{62}$) определяет какое-то известное выражение.

Первой группой рисунков, которая была мной «прочитана» как **жены-мироносицы**, была «*голова кошки + голова кошки + пчела*». Отсюда вытекает и решение второй проблемы, а именно: если принять сформулированные только что постулаты за точку отсчета в исследовании диска, то «читать» его следует по направлению от окружности к центру (иначе, получится негодное словосочетание – «мироносицы-жены»).

Ну вот, теперь вроде всё. Кажется, я постулировал всё, что необходимо для настоящего исследования....

16 августа

Самое часто повторяющееся сочетание на диске (13 повторений) состоит из 2-х рисунков:

Изображенного на первом рисунке профиля человека в очках я назвал *очкариком*, а круг с семью маленькими кружочками внутри – *семиглазом*. Назвал просто так, как говорится, *для себя*.

Разгадать примерный смысл, скрывающийся в этой паре рисунков (назовем ее $s1$), оказалось довольно просто. Сначала я заметил, что группу $g8$ можно составить, добавив пару $s1$ к группе $g24$, потом нашел еще одно подобное вложение: $g26 = s1 + g30$. Но и группа $g24$, и группа $g30$ являются законченными выражениями (согласно постулату № 2), равно как и группы $g8$ и $g26$, которые получены добавлением пары $s1$ к группам $g24$ и $g30$, соответственно. Но как это может быть? Не вникая в смысл «коротких» рисунков ($g24$ и $g30$), я предположил, что в них скрыты известные афоризмы, например, следующие, первые пришедшие в голову: с $g24$ я сопоставил «Всё течет – всё изменяется», а с $g30$ – «О мертвых ничего, или хорошо». Но, какое словосочетание можно добавить к этим известным афоризмам, чтобы получилось законченное выражение? А ведь это не сложно, и, по-моему, может выглядеть примерно так: «Древние говорили (учили, знали...): *Всё течет – всё изменяется*», либо «Выдающийся человек говорит (учит, знает...): *О мертвых ничего, или хорошо*».

Отсюда, с большой долей вероятности, *очкарик* обозначает **выдающегося человека, выдающуюся личность** или **Человека** (с большой буквы). И это, в общем, соответствует сути изображения... Но, в таком случае, *семиглаз* должен обозначать нечто, связанное с **наукой (учением, знанием)**. Но каким образом *круг с семью маленькими кружочками внутри* может быть релевантным понятию **наука**? Не знаю. Пока не знаю. Буду думать, пока же мне пришла в голову другая мысль: «А **мне** встречались на моем жизненном пути выдающиеся личности»? или «Знаю ли я кого-нибудь, кто может стать впоследствии выдающимся человеком»? Сначала мне в голову пришел мой отец. Но я сразу усомнился: он всегда был слабоволен, а выдающаяся личность должна иметь железную волю, естественно, помимо таланта, трудолюбия и здравомыслия. И тогда я подумал о Германе Холлерите...

В начале мая 1886 года я получил письмо, написанное очень красивым почерком:

Мистер Берестов. Ближайшую неделю я буду на Манхеттене. Если у вас появится время и желание, подходите вечером 10 мая, примерно около 20 часов, в итальянское кафе, расположенное на углу 100-й улицы и Бродвея. На меня Вам укажет бармен. О вас мне говорил наш общий друг из «Нью-Йорк Трибьюн».

С уважением, Герман Холлерит.

Конечно, ровно в 8 вечера я был в указанном месте... Впрочем, сначала, пожалуй, стоит рассказать о упомянутом в письме *нашем общем друге*.

С начала 1886 года я мотался по Нью-Йорку и его окрестностям в поисках работы. И вот, это было уже в конце марта, бродя по центру Манхеттена, я увидел табличку «Нью-Йорк Трибьюн» и, на всякий случай, решил зайти: а вдруг у них окажется место грузчика или разносчика газет! В кабинете главного редактора толпились люди. Толстый мужчина восседал за единственным столом, разговаривая одновременно со всеми, объясняя, соглашаясь, отвергая и приказывая, – и всё это предельно краткими фразами. Улучив момент, я вклинился в общий хор:

– Господин редактор, я эмигрант из России, ищу работу. Могу делать всё...

– Прекрасно, прекрасно... Антонелла, ты еще не ушла? Тебе ведь нужны эмигранты?

Поговори с ним, – быстрый кивок в сторону, и я для него перестал существовать...

Тут кто-то тронул меня за рукав. Обернувшись, я увидел худенькую брюнетку почти моего роста с огромными темно-кариими глазами.

– Вы чех? Нет? Не говорите, не говорите, сейчас угадаю... Серб?

– Не угадали, я из России, русский.

– О-о-о, русских у меня еще нет... Я пишу очерк о жизни эмигрантов в Нью-Йорке. Антонелла Розетти.

– Андрей Верестов.

– А знаете, Андрью? Здесь есть неподалеку неплохой и недорогой ресторанчик, там мы сможем спокойно поговорить, а заодно и перекусим. Идет?

У меня почти не осталось в памяти, что еще было до того, как мы с ней оказались в номере гостиницы. Зато помню, что после полового сношения она очень заторопилась, чтобы быть дома к приезду мужа... да еще помню, как она промурлыкала «O, Andru, addio, addio valle dipianti...», переименованное из заключительного дуэта Аиды и Радамеса⁴. Но лучше всего помню, как я тащился потом в Южный Бруклин, где мы с Марией снимали тогда комнату, и повторял про себя: «Я мерзавец... я мерзавец... я мерзавец...».

...Итак, ровно в 8 вечера 10 мая я вошел в кафе. Герман Холлерит оказался молодым человеком высокого роста с веселыми, мальчишескими глазами и длинными, пышными усами, придававшими его облику нарочитую солидность. Он представил меня своему товарищу, Маркусу Блоху, оказавшемуся начальником Филадельфийского Бюро переписи населения США. После нескольких вопросов, касающихся работы земского статистика в России, которые, в основном, задавал Блох, между прочим, хорошим русским языком, мне было предложено место агента в Филадельфии с окладом 660 долларов в год. Для меня и Марии, двух безработных эмигрантов, две недели назад официально вступивших в брак, это предложение было сродни манне небесной.

В то первое знакомство с Холлеритом у меня осталось о нем впечатление, как о человеке исключительной целеустремленности. При последующих встречах в Филадельфии, когда он устанавливал и налаживал в Бюро работу своей электрической перфокарточной машины (табулятора), я обнаружил в нем, казалось бы, плохо согласующееся с жесткой, а порой и безжалостной целеустремленностью, умение дружески общаться с огромным количеством людей разных возрастов и состояний. Да, вот пример.

Во время одной из первых статистических обработок данных, кажется, о преступности в штате Пенсильвания, проводившейся с помощью табулятора Холлерита, случился казус: двойная набивка данных на перфокарты выявила недопустимое количество ошибок у одной из «перфораторщиц». По трудовому договору женщину следовало немедленно уволить с выплатой мизерного выходного пособия. Но произошло неожиданное. Присутствовавший на испытаниях Герман Холлерит решил поговорить с женщиной, и оказалось, что она была больна: накануне у нее был сильный жар. Вопрос об увольнении был тут же снят, меня он попросил отвезти ее к ней домой, куда вскоре приехал доктор. После осмотра больной, ей было выписано лекарство, а на вопрос мужа женщины, сколько ему нужно заплатить за визит, доктор ответил, что все оплачено его старым приятелем, мистером Холлеритом. Нетрудно представить, как после того случая относились к Герману Холлериту сотрудники Бюро.

Хотя без санкций тогда не обошлось: мне, как непосредственному начальнику той женщины, был объявлен выговор *за необоснованное допущение больного сотрудника к работе.*

⁴ «O, terra, addio, addio valle di pianti...» (итал.). – «O, земля, прощай, прощайте долины и нивы...».

Глава 7

Выдающаяся личность

*Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой, —
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.*

Пушкин, «Отрывки из писем, мысли и замечания»

Сколько «выдающихся личностей», в первую очередь, из литературных и окололитературных кругов, встречал на своем веку Скундин? – Не мало. Правда, некоторые из «выдающихся» проявляли себя исключительно в ресторане «Центрального дома литераторов», рассказывая собутыльникам о своей почти законченной эпохальной вещи. Но большинство несло крест «врачевателей человеческих душ» с полным осознанием важности и ценности своего положения. Это была привилегированная среда, которой Скундин дорожил и всегда помнил, что оказался в ней только благодаря своей женитьбе... женитьбе, переломившей его жизнь на две разные части.

Кем он был до свадьбы? – Простым шофером, начавшим крутить баранку мальчишкой на тракторе в колхозе, крутившим ее на фронте и продолжавшим крутить после войны на «Москвиче 400–422», на котором развозил газеты из типографии «Известий» в отделения «Почты СССР». А кем стал Скундин через какое-то время после свадьбы? – Интеллигентным, уважаемым человеком, писателем-эссеистом и еще зятем Ивана Михайловича Бочкова – доктора исторических наук, видного литературоведа, пушкиниста, члена «Союза писателей», члена нескольких солидных редакционных коллегий...

Впрочем, первые шаги к новой жизни были сделаны Скундиным самостоятельно: в 1953 году он, в конце концов, окончил школу рабочей молодежи, и осенью того же года поступил на заочное отделение исторического факультета МГУ. Жил он тогда все в том же доме в Сокольниках, в той же комнате, правда, уже вдвоем с матерью: отец умер через 6 лет после войны, а сестра с мужем и племянницей все-таки сумели отвоевать себе комнату Лидии Владиславовны...

– ...Итак, Вы утверждаете, что не все языческие боги, которым Владимир Красно Солнышко установил кумиры на Киевском капище, были славянскими богами. Иначе говоря, вы придерживаетесь гипотезы Аничкова? Не бойтесь, не бойтесь. Говорите смело, положительную оценку Вы уже заслужили. – Доверительный тон профессора И.М. Бочкова расслабил Николая, и он тут же, чуть ли не с гордостью, заявил, что с трудами Аничкова не знаком, и вообще ничего не слышал о таком историке, а о не славянском происхождении некоторых богов на Киевском капище дошел своим умом...

– «Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было...», – прервал Скундина экзаменатор, – Вы уж извините меня, что я Гоголя вспомнил – сами запросились. Но Вы мне нравитесь. Что ж, «хорошо» Вы заслужили. М-да, м-да... Я смотрю Вы у меня сегодня последний... А знаете что? Как Вы смотрите на то, чтобы продолжить нашу беседу у меня дома? за трапезой, так сказать... Кстати, в моей библиотеке имеется книга Аничкова «Язычество и Древняя Русь». Весьма, весьма любопытная вещь – даром, что написана будущим белоэмигрантом...

Вот так Скундин *вошел в дом* Ивана Михайловича Бочкова, и быстро стал своим человеком для его жены Генриетты Самойловны и их единственной дочери Натальи, которая была моложе Николая на 7 лет. В этом доме царил культ Ивана Михайловича. И не мудрено: и жена, и дочь искренне полагали, что благосостояние их семьи целиком зиждется на реноме *папы*, как *выдающейся личности*.

Скундин начал тайно ненавидеть *папу* примерно через пару месяцев после свадьбы. Тогда он еще был *никем*, розовое будущее, которое сулил ему, студенту 5-го курса, могущественный тесть, еще только маячило на горизонте, но он ненавидел *папу* и тогда, и когда оно, это будущее, действительно, наступило. Особенно отвратительно ему было самодовольство тестя, явственно вылезавшее во время домашних вечерних застолий с обязательным графинчиком водки. Застолий, приведших к тому, что к пятидесяти годам профессор И.М. Бочков уже был законченным алкоголиком, и только могучий русский организм и дорогой французский одеколон, до поры до времени, помогали ему скрывать пагубное пристрастие от чужих глаз. Николай у тестя не вызывал опасений, и, выплескивая на зятя застольные откровения, «выдающаяся личность» расслаблялась, снимала усталость от нескончаемого водоворота официальных обязанностей:

– ...Когда выяснилось, что Генриетта не сможет больше родить, я всерьез подумывал о разводе: так мне хотелось иметь сына. Но ведь, во-первых, меня бы тогда турнули отовсюду «по аморалке», а, главное, никакой гарантии, что *другая* родила бы мне именно сына... Тебя я выбирал долго, было слишком много критериев: и биография, и чтобы отца не было, и чтобы «русак»...

* * *

– Смотрел твою «курсовую». Неплохо, неплохо... Чужие мысли своими словами – вот так и надо. Высший класс – это когда кое-какие свои мысли, естественно, в рамках дозволенного, излагаешь чужими словами... Ну, да ничего, научишься, у тебя всё впереди...

* * *

– Николай, а как у тебя в школе обстояло дело с сочинением «по Пушкину»?

– Нормально, на выпускном экзамене получил «пятерку» за «Реализм и народность «Евгения Онегина».

– Замечательно. А может, из тебя *пушкиниста* сделать? Какое замечательное изобретение – *пушкинистика*... Ха-ха, наука!

Обсасывай высказывания «великих» о Пушкине – вот тебе и вся *пушкинистика*. Ну, так как?

– Да, вообще-то, Иван Михайлович, я Пушкина не очень люблю, – соврал зачем-то Скундин и уж совсем, ни к селу, ни к городу, добавил: «Я Лермонтова люблю», что тоже было неправдой: практически, все стихотворения Лермонтова, особенно, их заключительные строфы, ему казались творениями ученика-подражателя.

– А кто говорит, что *пушкинист* должен любить Пушкина? Да, тебе и читать-то его будет совсем не обязательно. Главное, повторяю, – это, грубо говоря, опираться на краевые камни, заложенные, кхе-кхе, основоположниками... Нет, не хочешь?

Ну, ладно, придумаем чего-нибудь еще...

* * *

– Илья сегодня хорошо принял... экзамен, экзамен. Ха-ха. А ты что подумал? Нет-нет, он вообще не пьет. Да. Так вот, на сегодняшней переэкзаменовке ему какой-то шаромыжник, отвечая билет «Лирика Пушкина», начал нести околесицу насчет того, что «Пророк» – это, мол, вовсе не представление Пушкина об идеальном поэте, а совсем наоборот. Илья, понятно, снисходить до дискуссии непонятно с кем посчитал ниже своего достоинства и попросил привести пример «гиперпэонической клаузулы» в лирике Пушкина. Тот сразу и заткнулся. Пришлось Илье выгнать его к чертовой матери...

– Но, Иван Михайлович, парень же, наверное, имел какие-то свои резоны?..

– Резоны? Какие на экзамене могут быть резоны? Жалкое бормотание о каком-то, шутовском стихотворении Карамзина, якобы что-то там доказывающем... Нет, дорогой мой. Пока ты ученик, изволь придерживаться канонов науки, в данном случае, *пушкинистики*. А вот когда освоишь азы, найди себе научного руководителя и излагай ему свои резоны. Только тогда! Согласен?

– Да, Иван Михайлович, – как можно убедительнее ответил Скундин.

Очень скоро ложь сделалась неотъемлемой частью общения Скундина с тестем. Понимал ли это Иван Михайлович? Конечно. Он видел зятя насквозь, видел он и кое-как скрываемую неприязнь к себе, но это лишь раздражало Ивана Михайловича и заставляло с большей энергией создавать из него своего побочного отпрыска...

И.М. Бочков, действительно, был выдающейся личностью. На его похоронах некоторые, правда, называли его еще и *выдающимся деятелем советской науки*. Это неверно: ни одно научное открытие не носит его имени. И, тем не менее, он заслуженно достиг статуса выдающегося человека: его умение разбираться в людях и подчинять их себе были поистине уникальны.

Глава 8

Журнал Берестова (IV)

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. Они большей частью состояли из хозяйственных счетов и переписки по разным делам. Владимир разорвал их, не читая. Между ими попался ему пакет с надписью: письма моей жены. С сильным движением чувства Владимир принялся за них...

Пушкин, «Дубровский»

30 августа (вечер)

Мое исследование диска застопорилось. Время от времени пытаюсь хотя бы что-то расшифровать, но всякий раз возвращаюсь к *семиглазу* и дальше – ни с места. Да и на работе были очень тяжелые две недели: надо было закончить обработку социальных данных по Пенсильвании. Кстати, некоторые цифры оказались весьма любопытными. Например, разводом заканчивается здесь каждый 26-й брак. Многовато для «обетованной страны»!... А среднее количество детей в семье – 4. Вот это нормально, это хорошо.

...А нам с Марией Бог детей не дал. Ну, почему Он не наказал меня одного? Лишил бы руки или ноги, например. Ведь это я согрешил тогда в Нью-Йоркском отеле, Марию-то за что? За что Он лишил счастья материнства мою Марию, мою *Наташу Ростову*, вынудив ее всю нерастрченную материнскую любовь перенести на мужа, что совсем не то?..

Я давно хотел перечитать письма Марии. Я знал, как это будет тяжело, и вот сегодня все-таки решился:

“Ты уехал, и опять я одна... Что у тебя с работой? Не увлекла ли тебя какая-нибудь Наталка-Полтавка? Вчера я раскрыла подаренный тобой «Сборник стихотворений Пушкина» и наткнулась на стихи, которые как будто адресованы мне:

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.*

Что ты решил с нашим обручением? Мой дядя Юлиуш, который помощник ксендза, говорит, что католичество – религия более молодая, чем православие, а значит, более прогрессивная. «Пусть твой Анджей, – говорит он, – сравнит, уровни просвещения польских и русских крестьян. У нас 100-процентная грамотность, а в России умеют читать и писать, дай бог, 10 процентов крестьян. А ведь начальная школа всегда была у христиан под попечительством церкви». И еще дядя Юлиуш говорит, что в православном «Домострое» написано: «Богомерзостен перед Богом всякий, кто любит геометрию, а еще душевные грехи – учиться астрономии, потому что главное – это усвоение житейских правил, а не научных знаний».

...Дядя Юлиуш согласен обвенчать нас. Но я тебя так сильно люблю, что если ты не хочешь становиться католиком, я готова перейти в православие”.

* * *

«Это была самая счастливая неделя в моей жизни. Я валяюсь на кровати в моей «келье», вспоминаю, что случилось в твоей комнате в последний день, и плачу от счастья. Но это должно было произойти! Неужели мы опять просто так разъехались бы в разные стороны: ты в свою противную Полтаву, а я в опостылевший мне Люблин?»

...А потом за вечерним чаем, ты заметил, как были оживлены твои родители? Как же сильно они любят друг друга. Какое это счастье – любить! И как твой папа, с обожанием глядя на твою маму, заговорил, прямо как дядя Юлиш: «Жена – первая помощница мужа. Ведь сказано же в Библии: «Исказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему», – а потом еще прибавил, – жена приносит в дом благо». А твоя мама тут же спросила, какое у меня будет приданое...

Кажется, я понравилась твоему папе. И сестренки у тебя прелесть. Особенно малышка Варя. Правильно ведь говорят: «Богатство дома – в детях». Без детей дом пуст.

Как бы я хотела, чтобы у нас тоже было трое детей!.. ».

* * *

Дальше читать не могу: слезы застилают глаза...

31 августа (3 часа утра)

Я проснулся среди ночи от странной по своей очевидности мысли: «Астрономия – наука, астрономия – это и есть наука». С минуту я не мог понять, зачем это мне, и вдруг, словно молния сверкнуло: *семиглаз*, и я, в который раз, поразился причудливости человеческой мысли...

Десять дней я упорно ломал голову над этим самым *семиглазом*, а решило всё случайно прочитанное словосочетание – *учиться астрономии*. Ну, конечно, *семиглаз* — это изображение солнечной системы (в центре солнце и вокруг него планеты) – квинтэссенция Астрономии, *главной науки* средневековья. А это значит, как я и предполагал, что на диске его можно интерпретировать понятиями, связанными с наукой, а именно: **учение, наука, знание** и т. д.

Стоп, но в солнечной системе 8 планет, а здесь только 6... А-а, это ерунда, это легко объяснимо. Да, сейчас 8, а в середине XVI века, когда Коперник сделал свое открытие, знали всего 6 планет: Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер и Сатурн. 8-я планета, названная Нептуном, насколько я помню, была открыта только в середине прошлого века. Вот не помню, когда был открыт Уран... Надо будет сегодня после работы зайти в библиотеку. Ведь, узнав год открытия Урана, я сразу определю самое позднее время изготовления диска...

31 августа (вечер)

В «Библиотеке Франклина» я нашел, что Уран был открыт англичанином Уильямом Гершелем в 1781 году. Заодно я уточнил, что Коперник опубликовал свой труд «О вращении небесных сфер» в 1543 году, и, таким образом, мною определен временной интервал, в который был изготовлен диск – не раньше 1543 и не позже 1781 годов. Здорово, да? И ведь всё это благодаря Марии! А может быть, в своих письмах она оставила мне и другие подсказки? После открытия на *моем* диске «солнечной системы» я готов поверить в любое чудо. Чтобы снова не расплакаться, я не стал перечитывать письма, – да и зачем? вчера я убедился, что помню их почти дословно, – а сразу накинулся на рисунки. И Мария опять помогла мне, подсказав рас-

Второй рисунок здесь, очевидно, изображает *лук* – оружие, которым лучше всех владеет бог любви Эрот, а значит, лучшей расшифровки, чем *лук* = **любовь**, быть не может. Но тогда первый рисунок, по подсказке Марии («*Какое это счастье – любить*») должен обозначать **счастье**? Ха, так это же *крокус* – цветок, который у древних греков, действительно, считался символом счастья! Ай да я, ай да... Нет, до *сукиного сына* я пока еще не дотянул – всего-то расшифровал 7 рисунков из 45. А потому, вперед, Андрей Григорьевич! Сегодня у тебя день торжества всепобеждающей логики, сегодня ей подвластно всё – даже «чертова дюжина».

А почему бы мне не попробовать разобрать те группы, в которых встречается *голова кошки*? Ведь во втором письме Марии имеются целых 2 предложения, касающиеся жены: «Жена помощница мужа» и «Жена приносит благо (или благоустроенность)». Вдруг я найду что-то похожее. Логично? Логично. Итак, поехали... Вот и первая *кошка* – в группе

g3:

«Помощницей мужа» здесь, по-моему, «не пахнет», а над «приносящей благо» стоит подумать. Ну, конечно! Нарисованный справа *мешок, наполненный «под завязку»*, вполне может быть интерпретирован как **добро, выгода, польза, приданое, благо, благоустроенность**. Так, а в середине изображена... ну, конечно, это *река*, которая всегда что-то несет с собой, и ее логично ассоциировать с глаголами **нести, принести, перенести** и т. д. А в целом, как раз, и получается: **Жена приносит благоустроенность**.

Удивительно... Если я сейчас найду здесь «помощницу мужа», то прекращу мои субботние «вискивкушения», по крайней мере, до окончания расшифровки всего диска. Слово Берстова!..

Итак, вперед: g4 (*две кошки и пчела*) – уже расшифровано... Переходим на другую сторону диска... g44 (*кошка и дом*) – уже расшифровано...

Кстати, насчет **жены – хранительницы домашнего очага**. Недавно я задумался над этим афоризмом, и мне пришло в голову, что он может быть напрямую связан с мифом *О грехопадении*. Ведь согласно Библии, до Евы у Адама была другая женщина по имени Лилит. И она жила вольной жизнью животных, как и все другие люди. Люди умирали в одиночестве, и поэтому другим казалось, что они бессмертны. Ева была первой женщиной, которая предложила жить семейной жизнью. Мужчина стал жить вместе с женщиной, вместе жить и умирать. Так, вероятно, и родился миф о грехопадении и о наказании людей смертью...

Ладно, поехали дальше. g47 – после *кошки* нарисованы *рыба* и *бегущий человек*. Нет, вряд ли здесь говорится о «помощнице мужа». Дальше g50 – после *кошки* еще 4 рисунка, на одном из которых изображен *мешок*, т. е. **благо**... Нет, здесь явно зашифровано какое-то другое, более

длинное изречение... g51 – а вот это, кажется, то что нужно:

Рукавица, изображенная посередине – что это, как не вещь, помогающая в работе, и значит, ее вполне можно ассоциировать с понятиями **помощь, помощница**. Но что изображено на правом рисунке?.. Первое впечатление – это елка, которую так крепко обвязали веревкой, что ее ветки оказались плотно прижатыми к стволу. Что ж, назову этот рисунок *елка*. Но можно ли ее связать с «мужем», чтобы получилось «Жена помощница мужа»? И почему у этой *елки* такой толстый комель?.. О-хо-хо, мне кажется, достаточно на сегодня. Иначе голова – моя голова, не кошачья! – расколется сейчас пополам.

1 сентября (утро)

Проснулся рано. Голова на удивление ясная, и я сразу засел за *Журнал*, чтобы записать разбудившую меня мысль:

«Как так, получается? – думаешь, думаешь над чем-то загадочным, думаешь день, другой, потом, вроде бы, и не думаешь вовсе... – так, время от времени вспоминаешь, не больше того, а потом происходит что-то, совсем не связанное с давней загадкой, и неожиданно находишь ответ».

Так было позавчера, когда я ни с того, ни с сего, вдруг решил перечитать письма Марии и нашел в них слово «астрономия». Но ведь похожие случаи были и раньше. Вот один из них.

Сколько раз я «вставал не с той ноги»? и тогда весь день, как и подразумевает примета, шел наперекосяк? Чего только я не придумывал, чтобы ослабить действия «черных сил»? Старался реже выходить в тот день из дому, сокращал до минимума количество общения с людьми, даже с моей прелестной женой почти не заговаривал. Главное, думалось мне, быстрее прожить этот день и вычеркнуть его из памяти. И вот однажды пришло исцеление, пришло неожиданно, когда я и думать не думал об этой дурацкой примете.

В начале 1904 года я заказал по почте «наложенным платежом» новое «Полное собрание сочинений А.С. Пушкина» /под ред. Пл. Н. Краснова, СПб.—М., Изд. Товарищества М.О. Вольф, 1903/, и через 3 месяца бандероль приплыла в Филадельфию. Я был счастлив еще и потому, что предвкушал чтение ранее неизвестных мне пушкинских произведений, которые (я был в этом уверен) должны были появиться, по крайней мере, в юбилейных публикациях к 100-летию со дня рождения гения. Их поиск в однотомнике я решил начать среди стихотворений последних лет – моих самых любимых пушкинских стихотворений. И мне сразу повезло. Последним в разделе «Лирические стихотворения» было следующее:

[к жене]

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый день уносит
Частицу бытия, а мы с тобой вдвоем Располагаем жить.
И глядь – все прах: умрем!
На свете счастья нет, а есть покой и воля,
Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Я был восхищен, потрясен, и позвал Марию, и прочитал стихотворение ей. Ее реакция потрясла меня не меньше, чем само стихотворение:

– Он что? был ненормальный? ваш Пушкин? – спросила Мария.

– Почему ненормальный?

– А почему это он говорит, что если он умрет, то и его жена тоже должна умереть вместе с ним? Или он воображал себя Египетским фараоном?

– Да ты, возможно, не так поняла...

– А их дети? Подумал ли он об их детях? У них же было трое или даже четверо детей? И при этом он говорит жене, что «на свете нет счастья»!..

– Ну, подожди, подожди... А, может, это отрывок из какой-то незаконченной поэмы, и это не обращение Пушкина к его жене, а диалог героев?

– Да хоть «незаконченной», хоть «законченной» – все равно глупо. Как там еще в самом начале? «Каждый день уносит...»?

– «...И каждый день уносит частицу бытия»...

– Вот именно. И это глупо: частица бытия целый день уноситься не может. Для этого достаточно минуты, ну – нескольких минут, но никак не дня...

И вот тут у меня будто что-то щелкнуло в голове, и я ясно увидел, как нужно преодолеть казавшуюся такой мучительной приметой, связанную «не с той ногой»: неприятность – это частица бытия, и, как сказала моя Мария, она должна унести максимум через час, а то и раньше; поэтому, если у тебя случилась неприятность, то знай: через час от нее и следа не останется, а придет частица другого, возможно, счастливого, а, может, и очень счастливого бытия...

– Машенька, ты прелесть и умница, – закричал я тогда, и бросился ее целовать... И впоследствии я почти всегда убеждался в справедливости правила, невольно подсказанного тогда мне моей женой.

<А Машенька, действительно, была умницей! Какая замечательная логика! Да, конечно, адресовать такое стихотворение двадцатидвухлетней, цветущей женщине, жене, тогда матери двух его маленьких детей мог только ненормальный человек...

Вот только она не знала, что Пушкин и не делал этого! Ненормальным был человек, приставивший к стихотворению идиотский подзаголовок [к жене]. Неизвестно, кто придумал такую глупость, но и согласившийся с ней редактор издания 1903 года Пл. Н. Краснов (помимо вставки подзаголовка, он еще зачем-то отредактировал даже текст стихотворения!), и прочие деятели, до сих пор бездумно повторяющие эту глупость, заслуживают самого большого презрения.

Как же можно было не заметить в этом стихотворении удивительное, странное утверждение о смерти, которая должна настичь Пушкина и его *друга одновременно*. Здесь, собственно, и кроется разгадка адресата стихотворения: *моим другом поэт Пушкин* называет того, кто живет с ним в одной плоти – **камер-юнкера Пушкина!**

Стихотворение было найдено среди черновиков Пушкина и впервые опубликовано лишь в 1886 году. Вероятно, тогда же появилась версия какого-то дурака, по которой Пушкин адресовал это стихотворение своей жене, и соответствующий вариант подзаголовка. Что ж, по-видимому, во избежание кривотолков, стихотворение это, на самом деле, нуждается в дополнительных пояснениях, например, таких:

РАЗГОВОР ПОЭТА С КАМЕР-ЮНКЕРОМ

Поэт

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия...

Камер-юнкер

А мы с тобой вдвоем предполагаем жить...
И глядь – как раз – умрем. На свете счастья нет...

Поэт

...Но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нет.

Примеч. Составителя >

1 сентября (вечер)

Чудеса не прекращаются. Только вчера вечером я ломал голову над *елкой* с несоразмерно толстым комлем, а сегодня увидел эту самую «елку» наяву...

После работы, как всегда по субботам, я отправился на кладбище и затем в церковь. В церкви я и увидел ее, а точнее, его: на алтарном престоле между потиром и дискосом стоял подсвечник. Его ножка представляла из себя алтарный камень в форме короткого толстого цилиндра, выточенного из мрамора, сверху в него было вделано бронзовое деревце – судя по тонким, длинным иголкам и маленьким шишечкам это был кипарис, а в шишечках имелись отверстия, куда вставлялись тонкие свечи.

Подсвечник настолько точно соответствовал рисунку на диске, что у меня даже зародилась мысль: а не с него ли была изготовлена печать «елки»? и если это так, то, узнав время появления подсвечника в церкви, я, возможно, смогу еще более точно определить время изготовления диска. Я чуть было не спросил у священника, когда у них появился этот подсвечник, но вовремя одумался: после недавнего разграбления могил это вызвало бы резонные подозрения относительно моей особы. Тем более, слегка подумав, я понял, что это мне ничего не даст. Во-первых, время появления подсвечника в церкви совсем не обязательно могло совпадать со временем его изготовления, и, во-вторых, этот подсвечник мог быть одной из многочисленных копий совсем древнего подсвечника, с которого как раз и изготавливалась печать.

Алтарный камень в основании подсвечника, безусловно, его главная деталь. Но **алтарь**, очевидно, ближе всего ассоциируется с такими понятиями как **церковь, храм, Бог**, что позволяет легко расшифровать изречение, скрывающееся за группой рисунков «*кошка + рукавица + елка*»: «**Жена – помощница от Бога**».

Глава 9

Жена мужу помощница

Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному..

Пушкин – П. В. Нащокину

Сказать, что «на детях природа отдыхает», про Наталью, жену Скундина, можно было с определенными оговорками. Да, конечно, Бог не дал ей никаких талантов, да и вообще мозгов у нее, если и было, то совсем немного. Но до ее целеустремленности в достижении жизненного идеала, по которому человек живет ради получения всевозможных удовольствий, даже ее выдающемуся отцу было очень далеко, а авантюризм, по-видимому, полученный от предков по материнской линии, иногда доводил ее родителей до прединфарктного состояния.

Она ненавидела и презирала *Татьяну Ларину*, а идеалом женщины считала Мэрилин Монро, с которой, как она утверждала, у них были одинаковые формы нижней части тела. (Увы! выше всё было существенно хуже: маленькая грудь, короткая шея, тяжелый подбородок и вздернутый носик – хороши были, разве что, черные, вьющиеся волосы...)

За время долгой учебы на филологическом факультете МГУ, включившей 2 академических отпуска, своим мощным крупом статной молодой кобылицы она сумела соблазнить четырех студентов (исключительно, ради поддержания чистоты кожи) и одного преподавателя (по-другому сдать ему зачет для нее было делом безнадежным). Когда Скундин был введен в их дом, Наталья Ивановна уже работала в крупном издательстве помощницей заместителя главного редактора, с которым у нее почти год, чуть ли не с первой недели ее поступления на службу, продолжался вялотекущий роман.

Скундин сразу заинтересовал Наталью своими большими, мужицкими ладонями с красивыми длинными пальцами. На второе его посещение она затащила его на последний сеанс в кинотеатр «Шторм», находившийся почти напротив их дома на Русаковской улице, и там, расстегнув его ширинку, проверила рукой, что *это* – принадлежность отнюдь не «архивного юноши», из тех, с которыми она имела дело в университете. В апреле 1958 года Николай и Наталья поженились, и в следующем январе родилась их дочь Ирочка. Молодая семья временно, «хотя бы до тех пор, когда девочку можно будет отдать в детский сад», обосновалась в отдельной комнате 3-х комнатной квартиры Ивана Михайловича, в дальнейшем предполагая вступить в жилищный кооператив. Конечно, две семьи под одной крышей – это всегда сложно; скандалы, в основном, между матерью и дочерью возникали иногда просто из ничего. В таких ситуациях Николай, выбравший себе, с одобрения тестя, поприще писателя, уходил «работать над книгой» к своей матери – благо, до его бывшего дома было всего двадцать минут пешком.

В марте 1961 года вышла первая книга Николая Скундина («Мимолетное...»), предисловие к которой было написано известным критиком Ю. Абашкиным, не поскупившимся на лестные оценки художественного стиля «молодого, многообещающего прозаика». На семейном совете это событие было решено отметить, совместив его с празднованием «кожаной свадьбы».

Праздновать решили скромно. В ресторане гостиницы «Ленинградская» Николай заказал столик на 6 персон: со стороны Натальи – Генриетта Самойловна с Иваном Михайловичем, Николая – его сестра Галина с мужем. Мать Николая была, по ее словам, «небольшой любительницей ресторанов», и с удовольствием согласилась побыть в тот вечер с внучкой. В общем, с самого начала всё пошло как нельзя лучше, и продолжилось в ресторане превосходными холодными закусками под мадеру (для дам) и «Столичную» (для остальных). Ах, какая

там была сочная осетрина! а какая нежная семга! а икорка? будьте любезны: здесь вам имелась и паюсная, и лососевая, да в глубоких фарфоровых кокошницах... а заливные судачки порционные, а маринованные белые грибочки, и еще селедочка с вареной картошечкой и розовыми кружочками лука, и свежие огурчики, и помидорчики, и зеленый лучок... И были, конечно, задушевные тосты, много тостов...

Небольшой скандалчик возник, когда перешли к горячему. Ивану Михайловичу в колете по-киевски попалась небольшая жилка, и он, показав ее жене, пробурчал:

– Вот, Риточка, я предлагал идти в «Узбекистан»...

– Конечно, конечно, Ванечка, – прошептала в ответ Генриетта Самойловна, – ты только не волнуйся. Ты же знаешь, какая сейчас молодежь, они всё хотят решать по-своему..

– Нуда, нуда... Что?.. – заорал вдруг на весь зал профессор, – Что это? Только этого мне не хватало... Официант! Оф-фициант!..

Официант возник будто ниоткуда.

– Что это? Вы можете мне ответить, что это? – продолжал негодовать Иван Михайлович, тыкая в официанта вилкой с нацепленной на нее веточкой зелени. – Или, по-вашему, эта морковная ботва петрушкой зовется?

Реакция официанта было мгновенной и, как показалось Скундину, демонстрируемой не в первый раз: его пальцы метнулись к вилке, и веточка тут же исчезла у него во рту.

– Я уверен, это петрушка, лакская петрушка – сказал он, дожевывая. Лицо Ивана Михайловича начало багроветь, и Скундин понял, что должен срочно вмешаться:

– Вот что, дорогой! Принеси-ка ты нам еще триста водочки и что-нибудь закусить... малосольные огурчики есть? Нет? Тогда грибочков и лучок зеленый, петрушки не надо, никакой – ни лакской, ни макской... И давай, заодно запиши десерт. Генриетта Самойловна, дамы – кофе, чай? Кофе-глясе? Так, два кофе-глясе. Только смотри, чтобы были сливки! Генриетта Самойловна, Вам чай? Чай с лимоном – один. Игорь? Кофе черный? Записал? Иван Михайлович? Чай? Попозже? Нам с Иваном Михайловичем пока не неси. Мороженое... Поднимите руки, кто будет мороженое. Раз-два...

Вскоре официант был отпущен, и инцидент с петрушкой был, таким образом, улажен... И ведь ничего, абсолютно ничего не предвещало катастрофу!..

Под десерт празднование плавно перешло в танцы. Под аккомпанемент очень неплохого оркестра молоденькая певица и молодой баритон по очереди исполняли самые модные песни последних лет: «Ландыши», «Подмосковные вечера», «Сосед», «Песня Огонька», «Маленькая Мари», «По диким степям Забайкалья»... Наконец, все немного устали, и как-то дружно было решено завершать. Вернувшись за стол, разлили по последней, оркестр также объявил последний танец, и тут-то всё и произошло...

Плеча Скундина коснулась чья-то рука и женский голос произнес:

– Привет, Джованни!

Николай повернулся и тотчас узнал ее, и, машинально привстав со стула, ответил:

– Привет.

– Я вижу, ты и имя мое забыл? Потанцуем?

И, взяв его за руку, она повела его в танцевальный круг. А он, покорно идя за ней из опасения немедленного скандала, на самом деле, не мог вспомнить ее имя. Но всё остальное он помнил достаточно хорошо:

В начале августа 1957 года в теплый воскресный день он болтался по улице Горького, с интересом наблюдая, как люди, обступая группы иностранцев, приехавших на Московский Фестиваль молодежи, просили автографы, предлагали обменять значки на жвачку, лезли с объятиями... Где-то запевали «Подмосковные вечера», откуда-то слышалась «Белла, чао...», кругом царили смех и веселье. На Пушкинской площади он застал окончание митинга, и у «Известий» натолкнулся на знакомого шофера – тот подрабатывал на Фестивале, развозя на ЗИЛе

иностранцев по общежитиям и митингам. По окончании митинга на Пушкинской он должен был отвезти группу, состоящую из испанцев и итальянцев, в парк «Сокольники».

– Так я там живу! Может, подкинешь?

– Да, пожалуйста, только в кузове, вместе с ними...

У входа в парк их грузовик, украшенный эмблемой Фестиваля, мгновенно окружила разношерстная толпа, на спрыгивавших на землю иностранцев, набрасывались так, будто те были не люди, а живые манекены. Неожиданно Николай обнаружил, что к нему тянутся несколько рук с раскрытыми записными книжками, открытками и тетрадками. Рядом молодой испанец, выкрикивая «Но пасаран, салудо, амиго!», шустро раздавал автографы. Ситуация показалась Николаю забавной, и он, достав из нагрудного кармана авторучку, шутки ради черкнул что-то на тетрадке девочки-пионерки и весело произнес: «О, белла, чао». И понеслось...

У летней эстрады, на которой выступали известные певцы, его с двух сторон подхватили две молоденькие девушки и потащили в сторону Детского городка. При знакомстве он назвал первым пришедшим в голову итальянским именем – *Джованни*. Потом одна из девушек исчезла, а оставшаяся (как же ее звали?) повела его вглубь парка. Был такой прекрасный, теплый вечер, приятная, прохладная трава, и такое податливое, женское тело...

В Детском городке ее подруга скучала, наблюдая за игрой шахматистов, гонявших блиц, разбавляя его обычным шахматным «звоном»:

– А *мат* грозит ему в окно...

– Не скворчи... Рано пташечка запела...

– *Что* мо-о-жет сравниться с Матильдой моей... Вам мат, товарищ гроссмейстер...

– Прун, пёрышник... Только и можешь, что на зевках выигрывать...

– Хе-хе... Нет, чтобы признать у себя наличие отсутствия выдающегося мастерства, присутствующего у противника... Может, сыграем на «Я – поц»⁵?

...Спутница Николая окликнула подругу – та бросилась к ним, объясняя на ходу, что иностранцев уже увезли, при этом она размахивала руками, повторяя «Би-би, би-би...». И вдруг Николаю сделалось так стыдно, он стал себе так противен, что ему захотелось провалиться сквозь землю. И тогда он сделал, кажется, наихудшее из того, что мог бы сделать:

– Ну ладно, девушки, спасибо за вечер, – сказал он на чистом русском языке, – мне завтра рано утром на работу. Пока.

И чуть ли не бегом бросился прочь...

Баритон жалобно завывал «Only you», Николай и женщина присоединились к танцующим. Его партнерше, наверняка, было не меньше 30, а ведь там, в парке она казалась ему такой юной... Скундину опять, как тогда, сделалось стыдно, он начал извиняться за ту глупую шутку, но женщина прервала его:

– Да что вы, что вы, я же сама этого хотела... А знаете? – сказала она, – ведь лучшего подарка на именины, чем тогда, у меня больше никогда не было.

И тут Скундин вспомнил...

– Маша, – вырвалось у него...

– Надо же, вспомнил, – усмехнулась она, снова переходя на «ты» – а тебя-то, как все-таки зовут?..

– Коля, – раздался сзади голос его сестры Галины, – мы уходим, официант ждет расплатиться.

– Ну, извините, Маша, за всё. Прощайте. – Скундин поклонился и пошел вслед за сестрой. Расплачиваясь с официантом, он слышал, как теща говорила мужу:

⁵ Проигравший в игре на «Я – поц» должен, встав во весь рост, громко и выразительно произнести примерно такую речь: «Товарищи, прошу внимания! С прискорбием сообщаю вам, что я – поц!»

– Какая низость, привести нас в ресторан, в котором он бывает со своей любовницей! Какая наглость...

А дома, после того как Галина с Игорем увели мать, после того как была уложена спать дочь, за Николая уже взялась жена: – Я чувствовала, я была уверена, я всегда знала...

– Не кричи, Ирку разбудишь. Давай, я тебе завтра всё объясню...

– Ну вот, теперь он о родной дочери вспомнил. Когда б...л, ему было наплевать на дочь, о себе я и не говорю. И ведь я давно догадывалась, и зачем-то обманывала себя: нет, не может быть, у него имеется, все-таки, хоть какое-то чувство благодарности... И вот тебе – благодарность: повел в ресторан, чтобы увидеться со своей б...

– Да, я же видел эту женщину всего один раз, 4 года назад...

– Ложь, ложь, ложь... Я видела, как ты на нее смотрел... Ха-ха-ха! 4 года. И это после всего хорошего, что дала тебе моя семья. А я? Дура! Чтобы помочь тебе, ради хвалебного *Предисловия* к твоей книжонке, мне даже пришлось улаживать этого старого, вонючего Абашкина...

– Что? Что ты сделала? Повтори, – тут уже заорал и Скундин.

– А что? Тебе можно, а мне нельзя? И повторю: да-да-да, ради тебя я была с Абашкиным. Или ты думаешь, что он, в самом деле, восхищался твоими рассказиками? Да он давно уже ничего не читает, у нас в редакции все это знают...

Последние слова жены Скундин слышал, уже находясь за дверью – в чем был, он выскочил из квартиры тестя и через четверть часа оказался у матери. Мать еще не спала. Николай попросил ее постелить ему на его диване, и когда его тело почувствовало «родные» вмятины, он твердо решил, что «туда он больше не вернется». И с этой мыслью к нему пришел сон.

Следующий день был воскресенье 30 апреля. Скундину не хотелось никуда идти, голова гудела, и он валялся на своем диване, не думая ни о чем. Перед обедом Игорь притащил 4 бутылки *Жигулей*, на опохмелку. Мать стала спрашивать, мол, «что, он так и будет здесь лежать?». На что он кивнул головой и добавил, что «туда он больше не вернется». Мать заохала, прибежала сестра, и они все вместе принялись уговаривать его «все-таки, еще не раз подумать...». Он опять лег на диван и, отвернувшись, уткнулся головой в подушку.

Вечером, *еще не раз подумав*, он понял, что ему надо делать. Он встал, одел лучшее что у него оставалось в Сокольниках, и на троллейбусе поехал на Каланчевку. Там он занял наблюдательный пост у входа в гостиницу «Ленинградская» и стал ждать ту, из-за которой *всё это* произошло, почему-то, будучи уверенным, что она обязательно придет.

– Ты мне наставила рога, ты обвиняла меня в том же самом, – рассуждал про себя Скундин, – ну что ж! Я сделаю тебе приятное, сделаю, как ты хочешь, у-у-у, б...ща!

Прошел час, потом еще час. Та, из-за которой он торчал здесь, не появлялась. *Лучшее*, что он накинул на себя, оказалось летним, парусиновым костюмом. Скундин стал мерзнуть. По-видимому, холод добрался, в конце концов, и до его мозгов, потому что в них забрезжила первая за тот несчастный день разумная мысль:

– Что же я делаю? Уподобляюсь развратной дуре! Я, – считающий себя хорошим человеком. Если сейчас и нужно думать о чем-то, то не о такой жалкой мести. Может быть о разводе? А дочь?.. Ведь тогда... тогда ее душа навсегда потеряет ощущение счастья!..

И Скундин поехал в Сокольники. Мать уже спала. Он включил настольную лампу, достал карандаши, краски, альбом для рисования, сел за стол и стал рисовать. Он рисовал самое дорогое, что у него было – свою маленькую дочурку, и лег спать уже под утро, когда ее чудесным личиком были украшены все листы альбома.

Он был разбужен матерью, когда еще не было семи: звонила теща, которая просила передать ему, что заболела Ирочка, у нее очень высокая температура. Через десять минут Скундин был на Русаковской...

Глава 10

Журнал Берестова (V)

*Нечаянный случай всех нас изумил.
Пушкин, «Выстрел»*

4 сентября

Появление Маркуса Блоха на свет божий было главной причиной, по которой его отец, богатый белостокский еврей, решил навсегда перевезти свою семью в США – в России он не видел для сына никаких достойных перспектив. В начале 60-х годов Блохи уже прочно обосновались в Филадельфии, «городе братской любви», где Маркус вырос, выучился, получил хорошую работу и женился. С женой, как говорил Блох, «ему повезло, но не очень». Она была из очень богатой еврейской семьи и полагала, что муж всю жизнь обязан ценить доставшееся ему «сокровище», но, видя обратное, время от времени, жалила его уничижительными придирками... В конце концов, они развелись.

Обо всем этом я узнал от самого Маркуса. Вообще-то, я трудно схожусь с людьми, но с ним, возможно, благодаря его легкому характеру, мы перешли на «ты» с той первой нашей встречи в Нью-Йорке. Маркус Блох отнюдь не заурядная личность! Он свободно говорит по-русски; у него имеется даже свой речевой паразит, протяжное «Э-э-э...» – им Блох «украшает» по несколько раз чуть ли не каждое свое словоизлияние. Но он искренне любит русский язык и не упускает случая поговорить на нем. Из русских писателей больше всех он уважает Льва Толстого и, особенно, Чехова. Хорошо помню, как однажды он принес на работу книжку «Русской мысли» и, протягивая ее мне, сказал:

– Э-э-э, Андрей, советую обратить внимание на, э-э, рассказ «Палата № 6»... Ах, как я благодарен моему папе за то, что он увез меня из вашего, э-э-э, бедлама...

Сколько же лет я не видел его до вчерашнего дня, когда он, не торопясь, вошел в мой кабинет, который до его перевода в Нью-Йорк принадлежал ему? – три? или нет, почти четыре. Как Маркус объяснил мне после дружеских рукопожатий и выражения соболезнований в связи со смертью Марии, официально его приезд – это командировка с инспекционной целью, не официально – «возможность вырваться из служебной рутины, чтобы немного отвлечься». О-о, он всё еще большой любитель женщин – этот худой, 50-летний дубок с большой, круглой верхушкой, растрепанной последними увядающими листьями! Вечер после работы он предложил провести, «как в старые добрые времена», в баре на Уолнат-стрит.

... Я прихлебывал пиво, он потягивал виски и говорил, говорил... о последних нью-йоркских новостях, об общих знакомых, затем, очень долго, о деле Дрейфуса и о еврейских погромах в «родном» Белостоке:

– А, э-э, как это нравится вам, а? никогда евреи не страдали, как сейчас. Как же ж можно в антисемитской России жить, э-э-э, бедным евреям? Я просто не знаю. Ах, как я благодарен моему папе за то, что он увез меня из этого, э-э-э, царства антисемитизма... И где же ж ваши национальные писатели? Они что, не видят всего этого? Э-э-э, Лев Толстой... Он что же ж, не понимает, что своим молчанием сейчас он просто-таки теряет Нобелевку... Или, э-э-э, этот ваш модный публицист Горький! Ты в курсе? Нет? Приехал недавно в Нью-Йорк тут же его, э-э, обоср...! Как будто бы в России всё хорошо и отлично... Э-э-э, а ведь приехал – то он сюда просить денег на революцию... Кстати, я специально, для тебя, захватил журнальчик с его статейкой – э-э, вот, держи... А знаешь, пока ты читаешь, я, с твоего позволения, отвалою к барной стойке. Кажется, вон та зрелая блондинка, э-э-э, возможно, поможет мне сегодня немного отвлечься.

И он пошел к блондинке, а я принялся читать «The City of the Yellow Devil»⁶. Прочитал, поискал глазами Маркуса – он продолжал уговаривать, решил перечитать еще раз, прочитал строк 20 и дальше не смог. Слишком тошнотворными оказались для меня все эти «грязные сплетения железа и дерева», «лица, замазанные густым налетом жирной грязи», «темные впадины дверей, подобные загнившим ранам в камне стен», «улицы, внутри которых все разложилось и гнойно, как во чреве трупа»... Я еще раз посмотрел в зал. У Маркуса, похоже, сорвалось: блондинки у стойки уже не было, а сам он шел к нашему столику с унылым видом и двумя кружками пива в руках.

– Это тебе... Э-э-э... ну и как тебе этот Горький?

– Дешевка, – искренне ответил я, отдавая ему журнальчик, – убогая дешевка...

– Конечно, конечно, согласен... Э-э-э, единственное, что его, в какой-то мере, оправдывает, это то, что для его миссии такая скандальная статья – э-э-э, это было примерно то, что надо...

– Не знаю, не знаю, – перебил я его, – по-моему, написать такую пошлую статью мог человек, не видящий дальше своего носа... ну да, возможно, она и принесла ему сейчас какие-то деньги, но репутацию-то, наверняка, испортила навсегда.

– Э-э-э, да, здесь я могу с тобой согласиться. Э-э-э, скудеет настоящими писателями Россия... Вот помню были мы с Германом в Петербурге, э-э-э, десять лет назад. Тогда еще творил Толстой, был на вершине творчества Чехов... Ах, какие имена... Э-э-э, о чем, бишь, это я? А-а, ну да, Петербург... Я вот, о чем подумал, когда прочитал эту горьковскую белиберду... Э-э-э, были мы в Петербурге, и, должен сказать, что он, в общем-то, мало чем отличается от Нью-Йорка: такие же ж паровозы, такие же ж заводы, люди также ж продают свой труд за презренный желтый металл. И история этих городов очень похожа: примерно 250 лет назад и здесь, и там жили только аборигены в своих, э-э-э, пристанищах – чухонцы в избах, индейцы в вигвамах, а сейчас-то... о-го-го! Впрочем, мне кажется, Петербург еще более грязен, чем Нью-Йорк. Э-э-э, так почему же ж Горький, вместо того, чтобы обличать язвы

Петербурга, его грязные переулки, вонючие рынки, квартирники-клоповники на 250 человек... а я поинтересовался у специалистов по Горькому, э-э-э, писал ли он что-нибудь подобное «Городу желтого дьявола» в отношении Петербурга – оказалось, что нет, не писал... так вот, почему же ж он поехал за этим всем за океан? Вот ответ мне: почему? Не знаешь? Нет? А я скажу: потому что он проститутка, такая же ж как та, к которой я сейчас подходил – за подобную статью дома ему никто не дал бы устраивающего его гонорара. Вот и весь ответ! Ну, скажи, Андрей, разве я не прав?

– Абсолютно. Ты абсолютно прав, Маркус! Но все-таки, самым мерзким мне представляется неряшливость языка этой статьи – подбор «грязных» слов в ней просто отвратителен. Показать иностранцам, каким убогим, каким дешевым может быть русский язык, язык Пушкина и Тургенева, Толстого и Чехова – это ли не подлость! Всё, ничего не хочу больше говорить об этом... м-м-м... этом...

– Ну, Андрей! Ну, успокойся. Да, черт с ним, с этим Горьким! Давай лучше выпьем. Кстати, ты здесь сейчас сказал что-то про нос, и я вспомнил один еврейский анекдот. Сам я его услышал недавно, и значит, тебе я его еще не рассказывал... Да-а, так вот, э-э-э:

Дело происходит в Одессе. Приходит еврей в лавку. «Мне 100 метров пеньковой веревки», – обращается он к хозяину и протягивает 3 копейки. «Ха, уважаемый, – отвечает ему хозяин, – твоих денег, конечно же ж, хватит, чтобы купить... э-э-э, самую тонкую пеньковую веревку., э-э-э, длиной... э-э-э, вот... от кончика твоего носа до кончика твоего пениса». «Ай, я, яй, – восклицает еврей, – какой же ж я глупый человек! Как же ж я не подумал об

⁶ «Город желтого дьявола» – памфлет, входивший в советское время в обязательную программу обучения студентов факультетов журналистики. (Примеч. Составителя)

этом раньше! Ай-я-яй, ай-я-яй! Ну давай, дорогой, договоримся так: 100 метров веревки ты мне даешь сейчас, а за остатком я зайду вечером... когда точно вымеряю расстояние от твоей лавки до Центральной синагоги, где... э-э-э, после обрезания остался ма-а-ленький кусочек моего пениса».

Этот анекдот я слышал и раньше, но рассказан он был так хорошо, так весело, что я абсолютно искренне рассмеялся... Разошлись мы довольно поздно. Придя домой, я, естественно, сразу отправился в постель – утром надо было рано вставать на работу, но сон не шел. Какая-то мысль, какое-то важное слово, которое я услышал в баре от Блоха, мешало мне спать. Я ворочался, ворочался и, наконец, вспомнил: «Песнь о Гайавате» – именно она пришла мне на ум, когда Маркус произнес слово «вигвам», а вместе с ней – одна из картинок в иллюстрированном издании «Песни о Гайавате», которое я однажды просматривал в книжном магазине на Маркет-стрит. Вспомнились и строки Лонгфелло под той картинкой:

Then the curtain of the doorway
From without was slowly lifted;
Brighter glowed the fire a moment,
And a moment swerved the smoke-wreath,
As two women entered softly,
Passed the doorway uninvited...⁷

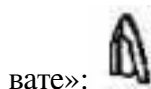
...и мне, почему-то, представилось очень важным *сейчас же* попробовать по памяти нарисовать ту картинку. Пришлось вставать с постели и часов до 3-х ночи изводить с десятков листов бумаги, пока у меня не получилось что-то похожее на оригинал:

А утром мне вспомнилась пушкинская строка «...И случай, бог изобретатель», определяющая случай, как нечто, произошедшее с человеком по выдумке обратившего на него внимание бога. Вспомнилась, когда я, взглянув на свою копию иллюстрации к «Песне о Гайавате», вклеенную ночью в *Журнал*, обнаружил в ней отгадку сразу двух рисунков с диска. Как тут не поверить в то, что вся цепочка вчерашних событий (от приезда в Филадельфию Маркуса Блоха до моих ночных бдений) была сотворена по доброй божьей воле!

⁷ Затем входная занавескаСнаружи тихо была приподнята;Мгновенно ярче запылал огонь,И тут же затрепетал дым,И две женщины вошли тихо,Переступив порог без приглашения... (Дословный перевод Составителя)

В отличие от дня вчерашнего, сегодня бог не стал *баловать* меня своими *изобретениями*: он дал мне спокойный день, какой требуется человеку, пусть в небольшом, но похмелье, но, главное, какой требуется человеку для спокойного осмысления полученных накануне важных сведений. Итак, вот первый рисунок, который я нашел в иллюстрации к «Песне о Гайавате»:

Очевидно, что это есть изображение *вигвама*, который может быть сообразован с убежищем. *Вигвам* встречается на диске в двух группах – g49 и g59:

Начало афоризма, скрытого в группе g49 (первые два рисунка) расшифровывается просто: «Убежище выдающегося человека...». Но последние два рисунка пока для меня не совсем понятны, т. е. понятно, что из них должна составиться сентенция, определяющая, что же является убежищем выдающегося человека, но пока ничего не идет в голову... Как и относительно 2-го и 4-го рисунков в группе g59... Да-а... пожалуй, с пивом надо завязывать, также как с виски... Ах, какая замечательная и оригинальная мысль! Как-нибудь, на досуге ее нужно будет обдумать более обстоятельно – на свежую голову, под хорошую закуску и т. д. и т. п. Сейчас же, пока голова еще что-то варит, стоит задуматься о более реальной вещи – о втором рисунке, который я увидел утром на моем «шедевре живописи»:

Это, конечно, *дым* – вон он вверху, вьется над *вигвамом*. Но *дым* – это легкость, парение, полет... Какой из перечисленных синонимов имел в виду изготовитель диска, изображая *дым*?

Проще всего это определилось с помощью группы g16:

Первые два рисунка данной группы мне уже известны и, очевидно, расшифровываются как «Выдающийся человек учит (или изучает)...». Смысл, заключенный в третьем рисунке, изображающем *птицу*, я, не мудрствуя лукаво, так и определил – **птица**, после чего стала самоочевидной подстановка «*дым* – **полет**», позволяющая целиком расшифровать группу **g16: Выдающийся человек изучает птицу по полету**. Т. е. это не что иное, как начало известной сентенции: «Птицу следует оценивать по полету, а человека по работе».

Глава 11

Империя красного дьявола

*Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.*

Пушкин, «К бюсту завоевателя»

Из Свободного Упр. Амр. № 1546 а

9/3 10¹⁰

Политуправление МПС тов. Чебаненко А.Г.

Копия: Редакция ГУДОК

С получением извещения ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР о кончине Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА по инициативе политотдела Могочинского отделения, начальник политотдела тов. Елисеев, и руководства отделения, начальник отделения тов. Басенко, работниками Могочинского отделения 7 марта в трудных условиях сделано траурное оформление бюста товарища СТАЛИНА высотой в 4–5 метров, установленного в 1935 году на скале высотой 80 метров между станциями Семиозерная и Амазар Амурской дороги.

На скалу к бюсту товарища Сталина подняли рельсы для укрепления траурного оформления, произвели сварные работы, с помощью канатов люди поднимались на скалу к бюсту, где на 5-метровых шестах вывесили траурные флаги размером 2 на 3 метра. Под бюстом на 8-метровом траурном полотне сделана надпись: 5-го марта в 9 часов 50 минут вечера скончался Председатель Совета Министров СССР и Секретарь ЦК КПСС Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Бюст товарища СТАЛИНА виден за 6–8 километров, в ночное время освещается прожекторами и с поездов обоих направлений хорошо виден. Пассажирские машинисты депо Могоча просили у отделения дороги разрешения проезжать мимо бюста с сокращенной скоростью и обязались потерянное время нагонять в пути. На это отделение дороги разрешило установить скорость 5 км в час на участке в 300 метров.

С 7 марта пассажирские поезда обоих направлений стали здесь сокращать скорость до 5 км в час и во время проезда этих 300 метров машинисты стали давать салют непрерывным свистом паровоза. На станциях Могоча и Ерофей-Павлович стали объявлять по радио пассажирам о бюсте товарища СТАЛИНА на скале, который им предстоит проехать, и как его лучше увидеть. Кроме этого на этих станциях даются указания радиостанциям в поездах, чтобы они предупреждали пассажиров о приближении к бюсту и куда нужно смотреть, чтобы лучше видеть.

Неизмеримое желание пассажиров увидеть величественный бюст дорогого товарища СТАЛИНА в эти скорбные, тяжелые минуты свидетельствует телеграмма начальника поезда № 42:

Петровского завода ЗБК № 38827 8/3

7⁴²

Содействуйте введению поезда № 42 в график. 9 марта в 12 часов поезд должен проследовать Семиозерный – Амазар, где бюст товарища СТАЛИНА, высеченный на скале.

Начальник поезда № 42

/Мучник/

Пассажиры и начальник поезда, только вступив на Заб. землю, проявили беспокойство о нагоне опоздания поезда (2 ч 40 м), чтобы в исторические, незабываемые минуты взглянуть на бюст товарища СТАЛИНА, отдать честь и проститься с ним.

Мною дано указание заместителю Подора⁸ Забайкальской ж/д тов. Золотухину принять все меры для введения поезда № 42 в график и проследить за ним. Руководством Подора, тов. Голядкиным, и Руководством дороги также этот поезд будет взят под особый контроль. На 300-метровом участке с обоих концов сейчас установили знаки предупреждения о подходе поезда к бюсту товарища СТАЛИНА.

Инструктор политуправления МПС

/Панков/

...

Из Свободного Упр. Амр. № 1624 а

9/3 19¹⁸

Политуправление МПС тов. Чебаненко А.Г.

Копия: Редакция ГУДОК

К телеграмме № 1546 а от 9/3

Поезд № 42 на Забайкальскую дорогу вступил с опозданием на 2 часа 40 минут. По инициативе начальника поезда тов. Мучника и просьбе пассажиров была дана телеграмма начальникам Забайкальской и Амурской дорог о введении поезда в расписание с тем, чтобы он проследовал бюст товарища СТАЛИНА, установленный на скале между станциями Семиозерный и Амазар, в 12 часов.

На Забайкальской дороге поезд нагнал 1 час 22 минуты, на Амурскую дорогу вступил с опозданием на 1 час 08 минут. Со ст. Ксеньевская до ст. Могоча машинист паровоза № 25367 член партии тов. П.И. Ивашов Могочинского депо и главный кондуктор, член партии тов. И.З. Битюгов Могочинского резерва сделали нагон 49 минут. На ст. Могоча поезд был встречен руководством отделения дороги и политотдела отделения. Для дальнейшего следования поезда № 42 был специально подготовлен паровоз № 25310 – оформлен в трауре, впереди портрет товарища СТАЛИНА и траурные знамена.

Смена мастера пункта технического осмотра Могочи тов. Летникова обработала поезд за 15 минут, стоянка поезда была сокращена на 19 минут, и поезд вышел по расписанию. Большую работу в продвижении поезда также проделали диспетчер Могочинского отделения тов. А.И. Ионов – беспартийный, и дежурный по отделению тов. С.С. Конь – член партии. Вели поезд машинист Могочинского депо тов. Н.И. Ходулин – беспартийный, и главный кондуктор из Ерофей-Павловического резерва тов. Л.М. Тарасенко – беспартийный. К бюсту товарища СТАЛИНА поезд прибыл на 20 минут раньше расписания и остановился ровно в 12 часов, т. е. в момент погребения товарища СТАЛИНА. Машинист произвел салют паровозным гудком в течение 3-х минут, пассажиры сошли с поезда и с глубоким прискорбием попрощались с дорогим вождем и учителем ИОСИФОМ ВИССАРИОНОВИЧЕМ СТАЛИНЫМ, обратившись к его величественному бюсту.

По просьбе пассажиров поезд простоял у бюста 13 минут, после чего отправился по расписанию. В разговоре со мной по телефону начальник поезда тов. Мучник и главный кондуктор тов. Тарасенко передали, что пассажиры поезда были глубоко тронуты работой и вниманием стахановцев железнодорожного транспорта, в особенности, в этот незабываемый, скорбный, траурный день – день прощания с любимым вождем, и просили руководство отметить работ-

⁸ Подор – Политотдел дороги. (Примеч. Составителя)

ников, участвовавших в продвижении поезда и его обслуживании. Со своей стороны считаю, что люди, отличившиеся в изложенной выше работе, достойны награды. Тов. Золотухину дано указание на этот счет.

Пассажиры поезда с бригадой проводников и других работников по обслуживанию поезда готовят письмо-соболезнование на имя Ц,К КПСС и Совета Министров. Завтра должна состояться встреча Руководства дороги и Подора с пассажирами поезда и обслуживающим персоналом непосредственно в поезде при прохождении перегона от ст. Свободный до ст. Михайло-Чесноковская, а, если потребуется, то и дальше.

Инструктор политуправления МПС

/Панков/

* * *

Сергей Васильевич Панков умер на 60-ом году жизни от инфаркта, случившегося с ним жарким июньским днем 1956 года. Скундину он приходился неродным дядей, являясь мужем материной сестры, тети Веры.

На кладбище некоторые выступавшие помимо обязательных слов о «незаменимой потере», о «честном, истерзанном сердце», о «земле, которая пусть ему будет пухом», сетовали также на жару, которую не смогло выдержать большое сердце «замечательного человека». Потом на поминках Скундин, уже изрядно выпив, решил высказать еще одну, на его взгляд, немаловажную причину смерти *неродного ему по крови, но родного по мироощущению человека, который многому научил его: XX съезд партии*. Но его, тут же, оборвал один из партийных функционеров из Политуправления МПС, предложив еще раз «просто помянуть нашего незабвенного Сергея Васильевича»...

На «девять дней» Скундин не поехал, сославшись на работу. На самом деле, в тот день – «день представления души Сергея Васильевича перед Богом», Скундин решил сделать то, что вменил себе в обязанность сразу после того, как услышал печальную весть – перенести на бумагу всё, сказанное Сергеем Васильевичем во время их последней встречи, произошедшей примерно за неделю до смерти.

«А-а, Николай, – сказал он, – проходи, проходи...» – начал писать Скундин и задумался: какая-то тревожная мысль появилась вдруг в голове. Он попытался понять, откуда она взялась, но так ни в чем и не разобравшись, продолжил писать и дописал всё до конца. Но после этого тревога только усилилась, и Скундин решил вспомнить весь тот день:

Было воскресенье. Развезя утренние газеты, он около 11 часов вернулся домой. Хотел, как обычно, лечь поспать, но мать попросила его «съездить к Вере», чтобы возратить ей долг в 500 рублей. Скундин быстро переоделся и поехал. Он любил навещать тетку с дядькой, возможно, потому что они всегда принимали племянника с радостью и хлебосольно, как родного сына – их единственный сын Саша погиб или, как было написано в *Похоронке*, «*пропал без вести*» в сентябре 1941 года...

Но в этот раз вид тети Веры, открывшей ему входную дверь, был совсем не радостный. Оказалось, что Сергей Васильевич только два дня назад вернулся из больницы, где пролежал три недели с воспалением легких, и выглядел он очень плохо: огромные мешки под ввалившимися глазами, постоянный кашель, осипший голос. Он сидел за столом, одетый в толстую шерстяную кофту, и перебирал какие-то бумаги...

– А-а, Николай, – сказал он, – проходи, проходи, рад тебя видеть. Верочка, сооруди-ка нам что-нибудь общеукрепляющее!

– Сережа! Тебе же врачи не разрешили... Да, у нас уже и нет ничего... Ну, хорошо, хорошо... если только самую малость, – сказала тетька Вера, – но только – потом в постель! Вот

Коля, – обратилась она ко мне, – всё утро уговариваю его лежать, а он ни в какую. Может, ты его уговоришь?

– Постараюсь, тетя Вер...

– Постарается, постарается... а мы, пока ты сходишь в магазин, побеседуем, да? – и, не дожидаясь ответных реплик, Сергей Васильевич начал говорить, говорить медленно, преодолевая кашель и сипя до потери голоса, излив в том своем монологе, наверное, всё самое главное, накопившееся в течение его жизни:

– Слышал последнюю новость? Руководство МПС распорядилось взорвать скалу с головой Сталина на Забайкальской дороге. Якобы, из-за угрозы обрушения скалы, а, на самом деле, конечно, в порядке исполнения наказов нового царя Никиты... Что? Судя по твоему виду, ты даже не знаешь, что был такой памятник... Ну, в принципе, ничего удивительного: знать все наставленные по стране памятники Сталину, конечно, невозможно... А-а, вот, нашел. Это дубликаты моих телеграмм... Когда умер Сталин, я находился в командировке в Амурской области, вот мне и пришлось поучаствовать там в организации траурных мероприятий. На, почитай... А я пока пойду прополощу горло...

– Ну как? Дочитал? Ну что, разочаровал тебя дядька своей, так сказать, верноподданностью? – спросил он, вернувшись, – А что я мог в той ситуации сделать? Ну, выгнали бы меня с работы к еб... матери... это в лучшем случае... а то и статью припаяли. А это задело бы и Веру, да и всех вас... А, с другой стороны, – пассажиры того поезда... в Свободном я после разговаривал с начальником поезда, и он, наверняка, не врал, когда говорил, что многие люди там, у скалы, плакали искренними слезами...

Тут его голос вдруг задрожал, и мне показалось, что он тоже сейчас заплачет, но он быстро взял себя в руки и продолжил, всё также медленно выбирая слова:

– М-м-да... люди... народ... В последнее время я много об этом думаю... Вот Сталин... он же, как никто, презирал людей, не верил никому, не знал и знать не хотел чужие насущные нужды, но, заметь, народ в целом, я имею в виду, в первую очередь, русский народ, он очень хорошо чувствовал и даже ценил. Парадокс? Ничуть. Незнание людей или, точнее, представление о людях, как об одинаковых человечках, наделенных всевозможными пороками, компенсировалось у него знанием всего двух принципов... Первый, самый общий – основная сила любого народа состоит в следовании привычному, устоявшемуся укладу жизни. Второй, специфический, подмеченный Екатериной Второй (а Сталин был очень начитанный человек) – основное достоинство русского народа заключается в его *образцовом послушании*... «Каждый человек, в первую очередь, должен думать о благе государства, и только потом – о своем собственном», – провозгласил он, и ведь его послушались, стыдясь и боясь даже роптать на условия, в которых им приходилось жить по воле *дорогого и любимого вождя*... М-м-м, мне надо сходить кое-куда, а ты пока обдумай, что я сейчас тебе сказал...

– Дядя Сереж, а ведь вы противоречите сами себе, – сказал я, когда он вновь уселся за стол, – помните, как вы в прошлый раз крыли Хрущева за его доклад на съезде, а теперь, оказывается, Хрущев был прав?

– Ну-у, Николай, как же ты не понял? Ругая тогда Хрущева, я вовсе не хвалил Сталина. Вот, как ты думаешь, зачем Хрущев сделал этот доклад?

– Как зачем? Чтобы разоблачить культ личности Сталина. И, сделав его, Хрущев, как считают многие, проявил большую смелость...

– Да брось ты! Критиковать отдельные, отрицательные черты характера мертвого человека... А у кого их нет? Не-ет, Хрущев ничем не рисковал. Как говорили французы, «король умер – да здравствует король». Русским людям четыреста лет вбивали в голову, что у них должен быть царь, а тут после смерти царя Иосифа они уже три года без царя. А поскольку свято место пустым быть не должно, вот Хрущев и решил занять его. Для этого и доклад сделал... Он же в нем не только Сталина обоср..., но и своих нынешних соратников: и Маленкова, и

Ворошилова, и Булганина... А для чего? Чтобы точно так же, как Сталин, единолично руководить *Красной Империей*, чтобы так же как Сталин и все предыдущие цари, эксплуатировать убогое «русское образцовое послушание». Ха, он что-то там вякал о возвращении ленинских принципов партийной жизни... Но я что-то ничего не слышал, чтобы он после XX съезда ввел, хотя бы лично для себя, партмаксимум, или о своем переходе в рядовую парторганизацию какого-нибудь завода, где его мог бы критиковать, и в хвост и в гриву, любой простой слесарь. Я уж не говорю о необходимости самокритики, как считал Ленин, важнейшей черте руководителя, препятствующей его зазнайству. Критикует ли себя Хрущев в своем докладе? Кается ли в своих ошибках? Как бы не так! Напротив – одни самовосхваления, и, читая доклад, складывается впечатление, что будь он, а не Сталин, руководителем государства, или будь Сталин не таким упертым и прислушивался бы к его, Хрущева, советам, не было бы ни репрессий 37–38 годов, ни страшных людских потерь в Великой Отечественной войне... Ох, и наворочает дел этот хитрый дурак, может даже и мировую войну развязать, если у него всё пойдет совсем плохо... А, да ну его к черту... Сталин-то, безусловно, и хитрее, и умнее был... но особенно у него было развито поистине звериное чутье самосохранения...

– Это почему? Что вы имеете в виду?

– А, интересно? Я ведь тебе сегодня с самого начала хотел рассказать о том, что думаю о Сталине... а ты меня перебил этим... Хру... – тут щелкнул замок входной двери, – а вот и Вера. Ну, мы сейчас пообедаем, а потом вернемся к нашему разговору. Согласен? Ты куда не торопишься? Вот и прекрасно... Ха, анекдот вспомнил, «про лень». Слышал? Нет? Ну, как же...

Сидят двое в КПЗ. Один спрашивает другого: «Тебя за что взяли?» – Тот отвечает: «За убийство. А тебя?» – «А меня за лень» – «Как это, за лень?» – «А вот как: сидели мы вчера вечером с приятелем у него на кухне, разговаривали... когда возвращался домой, думал: *сейчас пойти или утром*... да лень-матушка одолела – решил отложить до утра, да и спать хотелось... теперь вот здесь».

– Ха-ха, хорошо... О-о-о, Тетя Вер, сегодня у Вас моя любимая холодная телятина... да еще к «Мадере» салат «Оливье»...

* * *

– Дядя Сереж, как там у Пушкина: «Бог веселый винограда позволяет нам три чаши выпивать в пиру вечернем»?.. – сказал я, отставляя бутылку «Мадеры» подальше от дяди Сережиной руки, потянувшейся к ней с целью нарушить «пушкинский завет».

– Но ведь еще не вечер, – возразил он.

– Нет, нет, и нет! – это сказала тетя Вера, а я еще добавил, – дядя Сереж, вы же обещали досказать мне...

– Ну, хорошо, хорошо, – вздохнув, согласился он, – да я всё помню... Верочка, ты идешь на кухню? Дверь прикрой, пожалуйста, поплотнее – наш разговор будет не для соседских ушей... Ну-с, на чем мы остановились?

– На зверином чутье самосохранения Сталина...

– Вот-вот, я говорил, что «отец народов» в избытке обладал таким чутьем, а ты, вроде как, сомневался? Да? Ну, а как еще, позволь тебя спросить, можно объяснить тот факт, что в его, даже не близком, а достаточно широком окружении с конца 20-х годов не оказалось ни одной сколько-нибудь значительной личности? Он же поставил вокруг себя одних холуев – человечков, живущих по единственному правилу: «Я начальник – ты г...но, ты начальник – я г...но». Не веришь? Да вспомни, хотя бы, его *бесстрашных, бункерных генералов* – как, показывая свое рвение, они приказывали бросать солдат на самые неприступные немецкие позиции. И нашего Сашку на Невском пяточке убил не гитлеровский солдат, а как раз такой

холуй, любимец Сталина, генерал армии Жуков, – голос Сергея Васильевича задрожал, но он быстро взял себя в руки и, откашлявшись, продолжил:

– Для понимания личности Сталина нужно, в первую очередь, иметь в виду его безграмотность в отношении марксистско-ленинской теории социалистического государства, безграмотность, которая привела его к полному непониманию сущности НЭПа и переходу к строительству уродливого, бесчеловечного государства – *Социалистической* или *Красной Империи*. А что еще, кроме *Империи*, в которой он родился и прожил большую часть жизни, он мог придумать? А уж заменить к ней крупных частных собственников, которых при социализме не должно было быть по определению, на красных наркомов было и вовсе делом небольшого ума... И главное, что позволило Сталину образовать свое Царство: русские люди оказались не то, чтобы недоразвитыми людьми, а, скорее, детьми, в которых был вбит комплекс «царя в голове». Впрочем, надо сказать, что одна причина, в какой-то степени, оправдывающая фактический возврат нашей страны в самодержавие, все-таки, была. Догадываешься, какая?

– Нет.

– А вот какая: империя как форма государства, наиболее приближенная к единовластию, вероятно, является лучшей формой для государства, находящегося в состоянии войны или готовящегося к войне, А СССР после назначения 30 января 1933 года Адольфа Гитлера рейхсканцлером Германии оказался как раз таким государством. Именно соседство фашистской Германии позволило Сталину обмануть наш народ, создав псевдосоциалистическое государство-уродца – *Красную Империю*. Грядущей войной этот дьявол в человеческом облике смог оправдать все свои ошибки, граничащие с преступлениями: и ужасно проведенную коллективизацию, и репрессии 37–38 годов, и соглашения с Гитлером о разделе Польши, и присоединение к СССР Прибалтики и Западной Украины... А после победы нашего народа в войне он и вовсе осатанел, приказав считать себя гениальным руководителем и полководцем... М-м-м, Николай, у меня что-то в горле пересохло...

– Нельзя, дядя Сережа, вы же тете Вере слово дали...

– Я? Какое слово? А-а, да... Ну, хорошо, хорошо... Ну тогда скоро будем пить чай... Ха, гениальный руководитель! так долго издеваться над своим народом мало кому удавалось в истории. Ведь это как же надо наплевательски относиться к русским людям, чтобы в угоду своим личным амбициям, которые умело подогревались Рузвельтом и Черчиллем, взвалить на нашу бедную, разрушенную страну еще и бремя помощи восточно-европейским странам. Но самое ужасное состоит в том, что дело Сталина продолжает жить, его *Империя* никуда не делась... И все так и будет продолжаться, пока большинство русских людей не выкинет навсегда из головы «доброе, непогрешимого царя-батюшку»... Иначе любой проходимец, дорвавшийся до власти будет опять и опять отбрасывать нашу страну в очередную архаичную империю... А начать нужно с того, чтобы ограничить должностные полномочия руководителя государства максимум 5-ю годами с дальнейшим запретом занимать какие-либо государственные должности... А-а, Верочка! А мы только что говорили, что хорошо бы сейчас чайку, а ты как раз с чайником...

«Так это же сплошная антисоветчина! Вот в чем причина моей тревоги», – наконец-то дошло до Скундина, когда он еще раз перечитал написанное. И он стал думать, куда бы спрятать *эти бумаги*, на всякий случай... Тут его взгляд упал на полку с его учебниками и конспектами. Название «Конспекты по древнегреческой драматургии», выведенное на обложке одной тетради, ему показалось подходящим. Тогда он достал из стола пустую папку, вывел на ее обложке *Древнегреческая драматургия. Конспекты*, вложил в папку листы с *антисоветскими записями*, сверху прикрыл их двумя тетрадями, воспользовавшись помимо «Конспектов по древнегреческой драматургии» еще и «Конспектами по сравнительному литературоведению», завязал тесемки и лег спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.